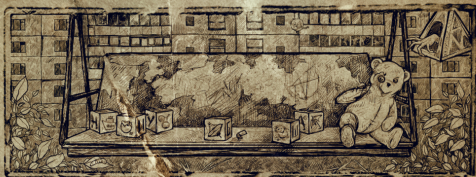


18+



Михаил Елизаров

СКОРЛУПЫ --- КУБИКИ

Михаил Юрьевич Елизаров

Скорлупы. Кубики

Серия «Читальня Михаила Елизарова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69454849

Скорлупы. Кубики : [рассказы] / Михаил Елизаров; Редакция Елены

Шубиной, АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-151256-9

Аннотация

Михаил Елизаров – прозаик, музыкант, автор романов “Земля” (премия “Национальный бестселлер”), “Библиотекарь” (премия “Русский Букер”), “*Pasternak*” и “Мультики”, сборников “Ногти” (шорт-лист премии Андрея Белого), “Мы вышли покурить на 17 лет” (приз читательского голосования премии “НОС”), “Бураттини”.

“Скорлупы. Всё ж не рассказы, а, скорее, литературные «вещи», нарочито выпячивающие следы своей «сделанности». Проще говоря, это четыре различных механизма сборки текста: от максимально традиционного, претендующего на автобиографичность, до «экспериментального» – разумеется, в понимании автора. Сто лет назад формалисты изучали так называемый приём, как самодостаточную сущность текста. Перед читателем четыре различных приёма, четыре формы. Четыре сущности. Четыре скорлупы.

Кубики – это серые панельки, где живут по колдовским понятиям и милицейским протоколам.

Кубики – не Место Обитания, а Язык и Мышление.

Кубики – это жестокие и нежные сны, записанные в тетради в клетку” (*Михаил Елизаров*).

Содержание

Скорлупы	6
Скорлупы	6
Санёк	35
Хороший день	65
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Михаил Елизаров
Скорлупы. Кубики
ЧИТАЛЬНЯ
Михаила Елизарова

Оформление переплёта и иллюстрация
Виктории Лебедевой



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

© Елизаров М.Ю.

© ООО “Издательство АСТ”

Скорлупы

Скорлупы

Первый аборт Никанорова сделала, ещё будучи выпускницей ПТУ, и с тех пор не останавливалась, потому что предохранялась весьма сомнительным способом, подслушанным когда-то в общаге на девичьих посиделках. Принцип заключался в высчитывании безопасных дней менструального цикла, но гормональная эта арифметика так или иначе не помогала, Никанорова ежегодно по несколько раз беременела. Время было советское, презервативы хоть и лежали в аптеках, но идеологически были настолько чуждыми, что стоили по две копейки штука, как символ бесполезности и абсурда.

Никанорова отличалась поистине редкой болеустойчивостью ко всему, что происходило с ней ниже пояса. Она никогда не испытывала дискомфорта от месячных, искренне удивляясь, почему некоторые чувствительные особи превращают жалкий ручеек крови в трагедию. Даже аборт Никанорова переносила не морщась, без наркоза. Растопырив ноги, как для соития, она с интересом наблюдала за умелыми руками врача, споро вставляющими во влагалище хромированный расширитель с кровосточным жёлобом. Эта подготовительная картина умиротворяла, и Никанорова соглаша-

лась с поговоркой: лучше один раз увидеть, чем семь раз выслушать, что аборт прошёл успешно.

Выдворение плода было целым техпроцессом. Ощувив, что к утробе что-то прилепилось, Никанорова предпринимала сначала домашние меры, которые всё равно не выручали, но она выполняла их больше как ритуал, предваряющий успешный аборт. Несколько вечеров подряд она распаривала брюхо в ванне, потом в течение недели глотала настои из трав, которые покупала у знакомой старухи на базаре – та гарантировала выкидыш, но у Никаноровой и с отваром не получалось. Напоследок она трижды поднимала за угол старый ореховый шкаф так, что в нём грохотали вешалки. Когда и это не помогало, Никанорова брала отгул и ехала на аборт. В приёмной она свысока поглядывала на перепуганных товарок по несчастью. Одной Никанорова как-то призналась: “А я люблю аборт делать, после них себя такой чистой чувствую, свободной, будто крылья вырастают. Специально не предохраняюсь, чтобы это чувство снова испытать”.

То, что у других заканчивалось тяжёлыми воспалениями или бесплодием, сходило Никаноровой с рук – она никогда не хворала по женской части. В больнице ходили слухи о легендарной нечувствительности Никаноровой, врачи уважали её, зная, что она всегда принесёт коробку конфет, скажет доброе слово и быстро освободит койку.

Когда-то Никанорова была замужем, но в браке прожи-

ла недолго. У неё имелась слабость – она никому не отказывала в близости. Число измен было б ещё больше, если бы в мужском обществе не преобладало заблуждение, что доступность выражается избыточным макияжем и вызывающей одеждой. Сложно было заподозрить Никанорову в каком-то особом распутстве, глядя на её простоватое лицо с коровьим разрезом глаз, полных ласковой тупости. Одевалась Никанорова скромно – в длинные юбки и вязаные свитера – и обувь предпочитала на плоской подошве. Впечатлительные городские мужчины гонялись за яркими бабочками, не замечая блёклую, как капустница, Никанорову.

Зато её всю пользовали выходцы из деревень, те, в ком ещё сохранился особый хозяйский взгляд на домашнюю скотину. Они сразу замечали безотказную суть Никаноровой. Сама же Никанорова мужчин не искала, но, если с ней знакомились, не ломаясь, отдавалась в первый же вечер.

При этом она была строгих правил и никогда не позволила бы себе чего-то в её представлении извращённого. Нормой для неё был мужчина, лежащий сверху со спущенными до колен штанами. И всё это при выключенном свете, ну, или как минимум плотно зашторенных окнах.

В будни Никанорова работала швейей в ателье, по вечерам и в выходные разнообразила свой быт совокуплениями. Иногда мужчины приглашали её в кино, дарили полезные мелочи, помогали по хозяйству – чинили сантехнику, подвешивали отвалившуюся полку.

Никанорова была порядочна, никогда не предъявляла претензий за беременность, денег не просила, обходясь своими средствами. Случались в её жизни периоды одиночества, но и тогда она не унывала, а занималась вязанием или смотрела телевизор – всё подряд, хоть новости, хоть балеты.

К тридцати годам Никанорова со своими регулярными абортами так примелькалась в районной больнице, что кто-то из врачей даже пытался её усомнить – подсунул трогательный продукт агитационной литературы. Брошюра была оформлена в виде дневника зародыша, где тот описывает, как развивается, как у него на двадцатый день после зачатия начинает биться сердце, появляются ручки и ножки, определяется пол. Этот червяк объясняется в любви своей маме, думает, что она тоже счастлива, умилительно гадает, какое имя она выберет ему, а потом весь этот дневниковый лепет обрывается на двенадцатой неделе, когда зародыш сухо и трагично сообщает: “Сегодня моя мама убила меня”.

Надо заметить, агитка действовала. После прочтения многие пришедшие на аборт женщины уходили со своими сохранёнными животами домой – донашивать обузу. На Никанорову брошюрка произвела обратное впечатление. Она представила себе нечто творческое, рассеянное за столом в её внутренностях, эдакого крошечного писателя-моралиста.

У Никаноровой было детское воображение. С тех пор после аборта она всегда высматривала в кровавых лоскутах об-

ломки письменного столика, игрушечную лампу, микроскопическую печатную машинку. Сама Никанорова книги не жаловала, а после брошюры стала относиться к своим зародышам ещё агрессивней, с презрением называя их “писаками”.

Подтверждённое медициной наличие у эмбриона мозга, внутренних органов, волос, ногтей и даже отпечатков пальцев – всё это говорило о неоспоримой индивидуальности, за которой Никаноровой выделялись чужеродный интеллект и связанные с ним хитрость, желание обмануть, отделаться наружу какой-нибудь кровавой тряпкой, а самому остаться в животе, выноситься, появиться на свет неважно кем, да хоть бы и инвалидом, и повиснуть на шее своей матери.

Никанорова решила быть начеку, нарочно запускала сроки, давая зародышевым костям и черепу кальцинироваться, обрасти мясом, чтобы при аборте их ни с чем уже нельзя было спутать.

Щипцами откусывались одна за другой конечности подросшего плода, ломался позвоночник, остриём протыкалась головка, и через дыру откачивалась мозговая жидкость, чтобы сплющить размягчённый опустевший череп, как пластиковую бутылочку, – для удобного изъятия.

Прилежная врачиха всегда выкладывала из оборванных кусков целое тельце, чтоб сразу было ясно: ничто не забыто. Ещё лет двести-триста назад почти таким же лютым манером казнили особо опасных государственных преступников.

Четвертованный плод лежал на лотке, точно какой-нибудь умученный Степан Разин.

В очередной раз залетев, Никанорова пошла на аборт. Отделение гинекологии находилось в небольшом здании на окраине больничного комплекса. В тот раз вычищала Никанорову её старая знакомая – завотделением Марьянова. Она сунула в холодильник принесённый Никаноровой пакет зефира и пригласила Никанорову в операционную. Срок был поздний, больше четырёх месяцев.

Внешне аборт прошёл нормально. Никанорова с удовлетворением оглядела лоток с искорёженным рваным месивом, с приставленной головкой, похожей на раздавленную сливу. Но того не могла знать ни Никанорова, ни Марьянова, что выковырянный зародыш так боролся за свою рыбку жизнь, что буквально вывернулся весь наизнанку. Видимое человеческому взгляду кровавое мясо покинуло матку, а вот окружавшая зародыша оболочка, состоящая из телесного тепла и невидимого света, – она осталась, как энергетический объём плода, который был по-своему жив, хоть и смертельно напуган. Впрочем, у этого существа не было ещё чётких эмоций, оно хотело лишь одного – выжить.

Никанорова встала и оделась, они с Марьяновой попили чаю, приятельски потрепались о мужиках – мол, сволочи, одни проблемы от них. Потом Никанорова, ни о чём не подозревая, ушла. А бестелесный зародыш продолжил развиваться.

ся в её утробе.

Следующие пять месяцев Никанорова не ощущала своей беременности. Она, конечно, обратила внимание, что месячные у неё стали какие-то странные, водянистые, но особого беспокойства это не вызвало. Всё объяснялось просто: для организма Никанорова оставалась беременной и зачать ещё раз уже чисто физиологически не могла. Наступил, быть может, самый спокойный период в её жизни. Она работала, вязала свитера, вечерами совокуплялась и смотрела телевизор, втайне надеясь, что от неё наконец-то ушла ужасная способность производить маленьких строчащих дневники существ.

Энергетическая сущность внутри Никаноровой по форме повторяла обычный человеческий зародыш мужского пола, но с единственным отличием: размеры плода практически не изменились с четырёхмесячного срока, хотя развитие внутренних органов соответствовало биологической норме. Плод был как бы уменьшенной копией ребёнка, правда, довольно уродливой – сказывалось хирургическое вмешательство. Кюретка, изорвавшая в своё время натуральное тело, косвенно повредила и энергетическую плоть. Плод был весь исполосован жуткими шрамами.

Возможно, сторонник какой-нибудь метафизики объяснил бы данный феномен так, что аборт убил только тело, но осталась душа. Но то, что оставалось, не было душой. Скорее, это был ум, у которого появилось иное тело.

К последним месяцам беременности Никанорову чуть вспучило. Сама она решила, что просто располнела. О таких глупостях, как диеты, она не задумывалась. На неё всегда находились желающие, так что фигуру поддерживать было незачем.

Наконец пришло время родов. Вечером, в момент соития, у Никаноровой отошли какие-то газы – вонючая разновидность плодных вод, которые и мужчина, лежащий на Никаноровой, и сама Никанорова восприняли как обычный кишечный конфуз. Безболезненные схватки совпали с оргазмом. Потом Никанорова пошла подмываться – и в ванной разрешилась невидимым младенцем.

Роды прошли благополучно. Никанорова встала под душ. У неё несколько раз сжалась промежность, ей показалось, что из влагалища выпал прозрачный пузырь.

Появившись на свет, плод плюхнулся в натёкшую воду, закричав от боли и страха. Но голос его не был доступен человеческому слуху. Подмываясь, Никанорова видела, как по внутренней стороне бёдер, мешаясь со струями воды, стекают бледные кровяные змейки. Одного не могла видеть и слышать Никанорова, как между её неухоженных ступней барахтается и надрывается уродливый младенец.

Трудно сказать, из чего он состоял. Он был практически невидим, но, как и все живые организмы, плотен относительно границ своего тела. Если бы он забрался Никаноровой под одежду, она бы ощутила его как объём сгущённого воздуха.

Именно эта воздушная природа и помогла плоду выжить. Все падения, удары были для него болезненны, но не опасны, как для младенца из реальной плоти. Оболочка плода была настолько эластична, что упав он сверху на торчащую иголку, то не проткнулся бы, а просто повис, растянувшись кожей в точке укола.

По развитию плод опережал своих натуральных сверстников. У него были отлично развиты обезьяньи хватательные рефлексy. По сравнению с обычным младенцем он был весьма крепок – за счёт ничтожного веса в соотношении с конкретной мышечной силой.

Никанорова вернулась в комнату, а оглушённый плод волочился за ней по полу, как дохлый щенок на поводке. Некому было перерезать пуповину – хотя бы потому, что её тоже никто не видел. Сотворённая из такой же потусторонней плоти, пуповина осталась прикреплённой к фантомной плаценте и плодному пузырю, которые не вышли из Никаноровой после родов. Почему не вышли – вопрос из области парапатологического акушерства.

Никанорова улеглась спать, а плод по пуповине вскарабкался на кровать. Он проголодался и, чуя животным инстинктом источник пищи, переполз к материнской груди. Когда Никанорова заснула, он принялся её раздаивать. Молока, разумеется, не было, но плоду вряд ли бы подошло настоящее молоко. Тем не менее в груди Никаноровой обнаружился некий прототип молока, невидимый жидкий субстрат,

развившийся вместе с плодом. Это эрзац-молоко вполне удовлетворяло вкусам новорождённого.

Наевшись, плод перебрался на ночёвку в вагину – оттуда пахло домом, родной утробой, где он провёл первые девять месяцев жизни. Плод, хоть и смутно, помнил кровавый кошмар, творившийся в матке пять месяцев тому назад, но справедливо полагал, что внешний новый мир может оказаться более жестоким.

Утро доказало ему, что влагиалище – место небезопасное. Плод натерпелся страху, когда проснувшийся самец влез на Никанорову для совокупления. Вначале исколотил членом, а потом чуть не утопил в тягучем, как мазут, семени.

Невидимый был, конечно, не так беззащитен, как обычные младенцы. Организм его быстро справлялся с ушибами, не был подвержен обычным человеческим инфекциям, хотя, вполне возможно, бытие предусмотрело для него свои особые недуги.

Плод быстро вырослел и обучался. Пережитая новая опасность сделала его осторожнее. Заслышав рокочущие похотливые обертоны самца, плод быстро выползал из укрытия и во время полового акта лежал рядом на простыне или же свешивался, как альпинист, на невидимой пуповине с края кровати и дремал.

Первые дни плод пытался привлечь к себе мать криком, но та не слышала. Он поглаживал, трогал Никанорову. Лёг-

кие его прикосновения оставались без ответа. В лучшем случае она воспринимала сына как зуд, чесалась и скидывала на пол. Плод ударялся, голосил, снова взбирался, но более активное его вмешательство – щипки или даже укусы – давало худший результат: Никанорова начинала шлёпать себя, ворчливо греша на кровососущих насекомых.

Нельзя сказать, что она совсем не ощутила сыновнего присутствия. С его рождением появились резкие и сложные запахи. Пахла постель, квартира, одежда и сама Никанорова. Всё объяснялось тем, что плод, как любой младенец, мочился и испражнялся где придётся. Кроме того, Никанорова испытывала постоянную вспученность в области гениталий. Плод, хоть и был относительно бесплотным, сохранил объём. Температура его соответствовала материнской, поэтому, когда он пристраивался у Никаноровой в паховой впадине, та ощущала сына жировой складкой своего тела.

Он появился на свет в апреле, а уже к середине лета настолько окреп, что перестал прятаться в трусах или во влагище. Спал рядышком на подушке, а днём сидел на плече и, чтоб не слететь от тряски, держался ручонкой за волосы матери. Пуповину он пропускал по спине, чтобы Никанорова неловким движением не скинула его.

Однажды такая неприятность случилась на проезжей части, его даже задела проезжающая машина. Удар размозжил бы кости натуральному ребёнку. Энергетический плод испы-

тал сильнейшую боль, и неслышного крику было на всю улицу. Но он выжил, потому что был лёгкий и прочный. Из последних сил он перебрался к матери под трусы и отлёживался неделю, пока сотрясение мозга, переломы и трещины не перестали давать о себе знать.

То, что сделало бы нормального малыша калекой или трупом, обошлось энергетическому лишь мукой и дополнительным телесным изъяном. От частых повреждений у него искривился позвоночник, пальцы на ногах срослись в подобия кожаных плавничков, череп стал бугристой башенной формы. Из-за падений нос и уши плода были сплющены, как у завязтого боксёра.

Он рос тихим ребёнком. Когда Никанорова на работе сидела за швейной машинкой, играл на полу обрезками тряпочек и нитками. Если мать собиралась в столовую или домой, взбирался по пуповине к ней на плечо. Когда плод освоил ходьбу – это произошло уже через полгода, – он просто следовал за матерью на своих кривеньких двоих.

Питался только по ночам, прикладывался к груди и высасывал молочный субстрат. Никанорова не понимала, от чего у неё к утру краснеют и воспаляются соски. Так длилось полгода, она обратилась к врачам, получила какие-то таблетки, которые не помогли. Тогда Никанорова пошла к знакомой базарной старухе, и та дала склянку с горькой жижей – мазать соски перед сном. Знахарка сразу заподозрила, что квартирная нечисть повадилась доить Никанорову, и спра-

ведливо решила, что горькая грудь – это невкусно.

Но не мазь отлучила плод от груди. Молока уже не хватало, и он сам перешёл на подножный корм, который находил на улицах или в ателье, в общественных уборных – везде, куда заглядывала Никанорова.

Это не было пищей в человеческом понимании. Он подбирал разные призрачные отбросы. Во множестве полусъедобные излучения валялись под электроприборами и уличными фонарями, как отходы их электрической деятельности. В рационе плода были и производные настоящих пищевых продуктов. Когда Никанорова приносила из магазина мороженные выпотрошенные тушки куриц, он подъедал с пола нематериальные огрызки куриных внутренностей.

От грубой пищи случались несварения, плод слабило энергетическими нечистотами, надо сказать, исключительно смрадными. В периоды этих кишечных расстройств в квартире пахло как в потусторонней уборной, если допустить возможность её существования, и любые, даже самые похотливые сожители избегали Никанорову.

Вскоре плод как-то разобрался со своей пищей, но сделал выводы о пользе зловония, наперед зная, как отвадить, если что, нежелательных гостей.

Никанорову безбрачие и вонь не удручали. Сама она была не особенно чистоплотна и, если запах невидимых фекалий начинал мешать ей самой, принимала душ, а вместе с ней

заодно мылся её сын. Сложнее было, когда мать вместо душа принимала ванну. Сначала плод тонул и захлёбывался, но нет худа без добра – борясь за жизнь, он научился плавать и полюбил грязную воду.

За минувший год с детородной функцией Никаноровой ничего не произошло. Она неизменно каждый месяц производила яйцеклетку, и очередной самец наверняка оплодотворил бы её, если бы не отходы жизнедеятельности плода. В первые месяцы, пока он во время сна непроизвольно испражнялся Никаноровой во влагалище, то, сам того не зная, предохранял мать от беременности – его нечистоты своей едкой средой губили все сперматозоиды. Позже, когда плод уже не ночевал в Никаноровой, после совокуплений матери он всё равно регулярно оправлялся в неё, уже чтобы отбить чужой половой запах. А Никанорова лишь сетовала на неприятные выделения.

Интеллектуально плод развивался быстрее ровесников. Он освоил речь с материнского голоса и телевизора. Его сбивали с толку музыкальные программы с песнями, мелодиями, заставками. Напевные тягучие ритмы вплелись в его лексикон, он нередко подменял слоги или слова каким-то завыванием и гудением. Никто не контролировал его, звуки развивались как придётся, и, даже если облечь плотью связки и горло плода, мало кто понял бы, что именно он сказал, – это был сплошной логопедический порок. Кроме то-

го, голос его находился в частотах ультразвука, услышать его могли исключительно летучие мыши или же дельфины. Возможно, только записанная на специальный прибор, позволяющий уменьшать частоту, речь плода стала бы доступна для человеческого слуха.

От одиночества и мыслеформы его были не вполне человеческими. Он думал не только словом, но и цветом, тенью, запахом, звуком – всем, что его окружало. Плод подолгу вместе с матерью смотрел телевизор, но понимал всё по-своему. Мультфильмы его пугали и нервировали. Из художественных картин больше устраивали комедии, потому что Никанорова смеялась при их просмотре, и тряска, передающаяся через пуповину, приятно возбуждала.

Для себя же он предпочитал заставку с настроечной таблицей. В ней ему виделась мерцающая икона с вездесущим хроматическим божеством, говорящим с ним на одной мелодичной ноте. Плод в такие минуты цепенел, и его состояние с некоторой натяжкой можно было бы назвать молитвой. Так он молчаливо поклонялся этому круглому техническому лику, и в его уродливый физический мир, состоящий из боли, гнева, страха, голода, вони и спермы, вторгались пусть извращённая, но метафизика, дух и понятие высшего.

К четырём годам плод сделался подвижен, ловок и силён. Его непоседливость ограничивала лишь пуповина. Он легко переносил холод. Мороз чувствовал так же, как и остальные

люди, но жизнь без дополнительных покровов закалила его, а если что, он прятался под меховой воротник материнского пальто.

Плод научился управлять своим весом – умел особым образом нагнетать его, концентрировать в себе, так что порыв ветра становился нестрашен. Когда же необходимость в тяжести пропадала, он избавлялся от веса, точно сдувался.

Как он выглядел? Около двадцати сантиметров ростом, узкоплечий, длиннорукий выродок. С возрастом прозрачные кожные покровы ороговели, и его, наверное, мог бы уже увидеть и человеческий глаз, но только при особом освещении. Ещё он чуть прихрамывал из-за многочисленных травм.

Плод осознавал свою невидимость, она, вкупе с изоляцией и частыми сотрясениями мозга, наложила отпечаток на его характер. Он был вспыльчив, жесток, мстителен. Когда мать, пересмотрев все программы, выключала телевизор до появления настроенной таблицы, плод от досады драл её за волосы, а простодушная Никанорова думала, что просто зацепилась за спинку кресла. Если Никанорова не угадывала сыновних пожеланий во время прогулки, к примеру, сворачивала не туда, плод, вынужденный следовать за матерью, с досады щипал её за ноги – до чернильных синяков. Никанорова, не подозревая их насильственную природу, мазала синяки мазью от варикоза.

Вместе с созреванием у плода проснулась и мужская ревность. Он не желал никого терпеть рядом с матерью и в ко-

роткое время отвалил от дома мужчин, а заодно и редких подруг. Он ронял чашки и ложки, двигал стулья, испускал мерзкие запахи. Будучи знатоком невидимых свечений, пачкал гостей, так что те уносили на себе смрад и потом долго не могли избавиться от необъяснимой вони.

Тогда же плод выбрал себе имя Степан – в честь одного из сожителей матери, который продержался дольше других. Назвав себя Степаном, плод решил не терпеть конкурента рядом с собой. Однажды он подобрал на улице энергетическую грязь едкого фиолетового свечения, которая явно не годилась в пищу. Пока мать совокупляли, сын Степан затолкал невидимый отброс в анус Степану-старшему. Тот сразу ощутил неприятное жжение в кишке и прервал акт. В течение месяца Степан подбирал на улице, а потом заталкивал сопернику пальцем всякую опасную дрянь. Страшный диагноз настиг Степана-старшего уже через полгода – рак прямой кишки, от которого он вскоре умер.

Окружив Никанорову одиночеством, Степан стал срывать на ней злобу. Он по любому поводу бил мать, выщипывал волосы на лобке или ногах, пакостил по мелочам: прятал нужные вещи, портил еду, швыряя в кастрюли лёгкую отраву, извращающую вкус продукта.

Выросший в безнравственной атмосфере, Степан, едва окрепла его половая функция, начал сожительствовать с матерью. Обычно он совокуплялся с Никаноровой в ухо или в ноздрю, пока та спала. Иногда, для разнообразия, прикла-

дывался к удобной складке тела, повторяющей форму женских гениталий. При этом Степан старался побольнее уку-сать Никанорову, так что та с криком просыпалась и разгля-дывала странные кровоизлияния под кожей. Кончив, Степан нарочно гадил матери в рот или в ухо. От невидимых фека-лий Никанорова страдала головными болями, хроническим отитом, кроме того, у неё плохо пахло изо рта, стали часты-ми горловые инфекции – и в этом был виноват её невидимый сын Степан.

Однажды на вечерней прогулке (Никанорова плелась с ра-боты, а Степан шёл рядом и грыз мельчайшие невидимые свечения, похожие на семечки) он увидел скользко-стеклян-ную фигурку, вприпрыжку бегущую за какой-то бабой. Стек-листое существо оглянулось на Степана и вдруг прокричало шепеляво-картавым ультразвуком:

– Скорлúпы! – прежде чем скрылось за поворотом.

Степан рванулся, но пуповина не пустила его, удержала, точно пса на привязи. Степан в ярости стал рвать на себя пу-повину, как обезумевший звонарь верёвку колокола. Пупо-вина вдруг отделилась от плаценты, так что Степан по инер-ции даже полетел спиной на асфальт. А Никанорова вскрик-нула от впервые посетившей её маточной боли – какой-то неправильной, потусторонней.

Никанорова остановилась, измождённо взялась рукой за фонарный столб. Пока она приходила в себя, из утробы её

невидимой медузой вытек запоздалый энергетический послед – плодный пузырь, похожий на пробитую камеру футбольного мяча.

Степан в изумлении подтянул к себе пуповину. Та была аномальной длины – около двух метров, отличалась выдающейся прочностью и эластичностью. Свободный конец пуповины, который раньше соединялся с плацентой, напоминал кончик слоновьего хобота. Степан очистил его от сукровицы, песка и земляных крошек. А после даже вздрогнул от удивления, потому что кончик хоботка оказался живым! Этот привычный жгут, когда-то соединявший его с матерью, стал новой чувствительной частью тела – умным щупом. Пока Степан разглядывал подвижный хоботок, в голове попутно возник развёрнутый анализ: что за пыль осела на хоботке, вредна ли, полезна ли она для Степана. Он приложил щуп пуповины к стене ближайшего дома, прислушался новым ухом. В мозгу засновали мелкие инфракрасные силуэты – это за стеной копошились крысы, и Степан благодаря щупу уловил их. Так у него появился собственный измерительный прибор.

Степан подобрал и энергетический плодный пузырь. В нём когда-то вызревал сам Степан. Он поднёс пузырь ко рту и проверил на герметичность. Собранный в точке разрыва, пузырь сразу наполнился воздухом, образовав шар. Степан дул во всю силу лёгких, невидимая кожа тянулась как резиновая. Вскоре пузырь был уже величиной со Степана и он

при желании мог бы снова поместиться внутри. Степан прикинул будущие возможности пузыря, затем выпустил из него воздух и набросил, точно пелерину, на плечи. Сразу стало тепло и уютно. Чтобы пуповина не болталась под ногами, Степан, как денди, намотал её на руку.

Никанорова чуть оправилась от боли. Подтекая чёрной кровью в трусы, она кое-как отлипла от столба и поплелась к дому. Степан равнодушно глянул на мать и со всех ног побежал за уродцем, прокричавшим ему странное слово – “Скорлупы”.

Он не догнал их, бабу со стеклистым малышом. Пока Степан увлечённо разбирался с неожиданным наследством, странная пара затерялась в переулках. Моросил слепой дождь, и в преломлении света и воды прозрачность Степана становилась почти видимой. С плодным пузырём на плечах он напоминал полиэтиленовый пакет, гонимый ветром.

Набегавшись по городу, Степан проголодался. В нескольких местах подобрал то, что могло стать пищей, – какие-то желеобразные свечения – и жадно съел их. От сытости Степан развеселился. Его забавляли и внезапно открывшаяся новая часть тела – шуп, и драгоценный артефакт утробного детства – плодный пузырь. Первую половину вечера он посвятил испытыванию вещей на профпригодность.

Возле помойки Степан повстречал бродячую кормящую

суку – у её живота копошились щенки, лохматые и бестолковые. Степан потеснил одного и присосался концом пуповины к сучьему соску. Щуп, как присоска, сразу же врос в посторонний организм. Степан спустя мгновение многое узнал о суке – примерный возраст, на какую кличку отзывается, чем больна. Щуп сразу перечислил собачьи недуги и просигнализировал, что они не опасны. Кроме того, Степан понял, что сука его не ощутила. Собачья энергия потекла в него через пуповину. Уже спустя минуту он был полон сил.

Он какое-то время развлекался на детской площадке. Скачивался с горки, кружился на маленькой двухместной карусели, лазал вверх-вниз по железным лесенкам. Под жестяным грибом Степан обнаружил дремлющего, будто бы обросшего землёй бомжа. Степан из жестокого озорства накинул тому на горло пуповину. Бомж, задыхаясь, проснулся, выпучил глаза. Степан на миг ослабил удавку. Вскинувшийся бомж, кашляя, исторгнул из себя лужу пахнущей алкоголем блевотины. Он явно не понимал, что стало причиной внезапного удушья, потирал рукой след от невидимой петли. Тут Степан нахлобучил ему на голову плодный пузырь. Бедняга в панике заметался возле гриба, а у него на закорках, как наездник, восседал Степан. Не понимая, почему зрение и дыхание залепила плотная белёсая муть, бомж совал в закупоренный рот пальцы. Степан, чувствуя щупом, что бомж (тот отзывался на имя Серёга) вот-вот потеряет сознание,

скинул с его головы плодный пузырь, снова опутал горло пуповиной, на манер вожжей. Бомж, судорожно вдохнув, в страхе побежал хромым галопом прочь с площадки. Периодически какая-то невидимая сила дёргала его то вправо, то влево, и он послушно менял направление, потому что, если он игнорировал сигналы, снова наваливалось слепое удушье. Так Степан несколько часов раскатывал по городу на укрощённом бомже, пока тот не свалился без сил и даже понукания не могли его поднять.

Наступил вечер, и Степан решил поискать место для ночлега. Он бросил своего загнанного скакуна и подошёл к одноэтажной постройке, в которой находился магазин садового инвентаря. Степан прильнул к отдушине, запустил туда щуп. Пуповина показала внутреннюю часть подвальной стены, пакеты с химическим веществом (удобрение суперфосфат) и мешки чернозёма. С полок тянуло животным жиром и дёгтем – там когда-то лежали упаковки с хозяйственным мылом, но теперь ничего не было. До потолка возвышались пирамиды из жестяных мятых в боках цилиндров с олифой и лаком. Кроме того, щуп сообщил о внушительном скоплении крыс.

Степан храбро полез в отдушину – узкую трубу, торчащую наружу. Ход был тесноват даже для Степана, но всё же он смог протиснуться в подвал благодаря эластичности костей собственного черепа, а позвоночник у него вообще гнулся

во все стороны, как резиновый шланг.

В темноте Степан видел лучше обычного человека, но всё же не так хорошо, как животные. Ночное зрение ему заменил щуп пуповины. Степан присел на край отдушины и изучил пространство. Первое, что заинтересовало Степана, были крысы. Они давно облюбовали этот подвал, питаясь органической подкормкой для растений и цветочными луковицами.

Это была очередная городская генерация, выросшая на суперфосфате, крысиде и прочей радиоактивной химии, – крупные сильные особи, способные в одиночку растерзать кота. Рассудительный кладовщик даже предпочитал лишний раз не соваться в подвал, а предварительно включал свет и стучал по трубам черенком метлы, чтобы дать крысам время убраться. Десятка два таких тварей как пираньи сожрали бы упавшего человека. Только процветающий внутривидовой каннибализм удерживал их число в приемлемом для людей количестве.

Вот и сейчас они суетились вокруг капкана. Его стальные челюсти перешибли хребет одной крысе, но она была ещё жива и как могла отбивалась от нападающих соплеменниц.

Степан спустился на пол, неслышный, подкрался к капкану. Крысы не учуяли его. Они копошились, стараясь успеть отхватить себе кусок живого мяса. Степан приложил щуп к парализованной части крысы. Тот показал агонию – по выделяемой энергии она была куда сильнее безмятежного

кормления из сучьего соска. Предсмертные токи подзарядили Степана агрессивной воинской силой.

В этот момент какая-то крыса случайно прихватила зубом щуп-присоску. Конечно, она не могла по-настоящему повредить энергетическую плоть, но Степан заорал от резкой боли. Крик его был не услышан, а почуяв другими крысами. На него бросилась ближняя – серый гигант. Она не видела Степана, но сразу ощутила его как плотный объём – и впилась.

Степан, накинув петлю пуповины на крысиную шею, душил опасного врага. Со стороны могло показаться, что крыса грызёт пустоту. Острые зубы наносили болезненные раны, ибо зыбкое тело Степана было подвержено любым страданиям, как и обычное человеческое. Возможно, попав в огонь, Степан, не умирая, горел бы очень долгое время, как грешник в христианском аду.

Степан сражался, мужественно стиснув зубы. Подхваченная энергия крысиной агонии утроила его силы. От укусов Степан только свирепел и потуже затягивал пуповину. Крыса сомлела, Степан оттолкнул её от себя и откатился в сторону, глядя, как стая бросилась рвать на части новую добычу.

Утомлённый схваткой, Степан вскарабкался на полку и уже оттуда недолго понаблюдал за кровавым пиршеством. Он был доволен своим боевым крещением и вскоре забылся сном воина, завернувшись в плодный пузырь.

Когда он проснулся, крысы ушли. Степан спустился вниз. На месте ночной битвы фактически не осталось мясных и ко-

стяных останков, но зато во множестве имелись энергетические клочки. Степан плотно перекусил, после чего выбрался из подвала.

Бомж Серёга лежал там же, где его бросил Степан. После недолгих понуканий бомж поднялся и побежал. Степан долго гонял его по незнакомым улицам, пока не разобрался, где находится. Тогда он пришпорил бомжа и быстро домчал к собственному дому. Отпустив вконец измождённого Серёгу на волю, он по пожарной лестнице взобрался на третий этаж и проник в квартиру через балкон. Мать была в плачевном состоянии.

Вечером, в отсутствие сына, Никанорова смотрела телевизор и каждые полчаса меняла подмокающую вату. Потом она переползла в кровать и заснула. Ночью Никаноровой показалось, что она обмочилась во сне, но то была хлынувшая кровь. Когда нагулявшийся Степан на заре вернулся домой после походов, Никанорова уже звонила по телефону – вызывала скорую помощь. Она дождалась врачей, открыла дверь и только потом потеряла сознание. Степан сел в машину вместе с матерью.

Никанорова уже пять лет не появлялась в больнице, поскольку не беременела. Её направили к заведующей Марьяновой, у которой она обычно делала аборт. В операционной Никанорова на миг пришла в себя и прошептала давней своей приятельнице: “Что-то у меня разладилось по-

женски”, – и снова лишилась чувств.

Степан из любопытства приложил щуп к Марьяновой, и в мозгу его вдруг вспыхнули чудовищные палаческие картины – секущее лезвие кюретки, кровь, раны, невыносимые муки. Он всё вспомнил и заорал от гнева и торжества.

Подскочив к Марьяновой, он сунул руку ей под юбку и так прихватил за промежность, что Марьянова охнула и даже присела от резкой боли. Степан огляделся. На кафельном полу кабинета во множестве валялись энергетические гниющие куски давно абортированных зародышей, сочащиеся эфирным трупным ядом. Степан скрутил какой-то огрызок, вскарабкался на Марьянову и запихнул ей в ухо смертельную турунду. Марьянова ощутила, как по щеке мазнуло что-то шершавое и тёплое. На миг она даже увидела прозрачное, жутко уродливое детское личико, точно рассечённое на несколько кусков, а потом заново сшитое, и похожие на битое стекло зубки.

В испуге Марьянова отшатнулась, решив, что кошмар померещился ей от усталости. А уже минут через пять у неё вдруг отнялся слух, разболелась голова и подскочила температура. Оперировать она не могла. К вечеру врачи констатировали у своей коллеги воспаление мозга. Марьянову увезли в инфекционное отделение, и некому было заняться Никаноровой. Ей кое-как приостановили кровотечение и перевезли в общую палату.

Степан, как опытный диагност, приложил к матери щуп и

понял, что она не жилец. Причём умирать ей пришлось бы в мучениях – у Никаноровой давно зрела жестокая запущенная болезнь.

Вспомнив лик божества с настроечной таблицы, Степан вдруг испытал некое подобие сострадания. Он отправился на поиски и вскоре нашёл лучистую отраву – сложный извод крысида, которым давно испражнилась издохшая крыса. Он смешал его с каким-то снотворным отбросом. Щуп подсказал и дозировку, и пропорции, необходимые для безболезненной эвтаназии. Степан сунул во влагалище матери невидимую свечу. Средство подействовало молниеносно.

Лишённый понятия морали, Степан напоследок совокупился с Никаноровой через её бесчувственный рот, сложенный обиженной гузкой. Когда он кончил матери на губы, последний её вздох выдул из невидимой спермы Степана лёгкий прозрачный пузырёк. Незаслуженно тихая смерть пришла к Никаноровой во сне.

Домой Степан решил не возвращаться. Его влекла жажда странствий и приключений. Простившись с холодеющей матерью, он выбежал из больницы. Щуп подсказал, что где-то неподалёку под землёй пролегла огромная канализационная река, гнилая сантехническая Обь.

Степан внимательно обследовал окрестности больничного комплекса. Наконец он нашёл глубокую канаву. По широкому, покрытому ржавчиной жёлобу текла быстрая мелкая

вода. Это был один из бесчисленных стоков подземной реки, уводящий в подземелье.

Прощальный минет с матерью, а точнее, пузырьёк на её губах вдохновил Степана на оригинальную идею. Степан от восторга даже затянул ультразвуком народную песню про Стеньку Разина. Он понял, каким бесценным подарком оказался плодный пузырь. Да, у Степана не было “острогрудого челна”, но у него имелся собственный батискаф, в котором можно было преодолевать любые водные преграды.

Возле канавы Степан облачился в плодный пузырь и стал его надувать. Вскоре он оказался внутри прозрачного шара, наполненного воздухом. Степан качнул туловищем, сфера покатила и слетела в жёлоб. Водяной поток увлёк Степана в трубу.

А Никанорову кремировали через два дня. На окраинном кладбище урну замуровали в одной из тех нищих ячеек посмертных бетонных сот – где-то в четвёртом ряду, таком высоком, что нужно было задирать голову, чтобы прочесть, чей, собственно, прах покоится. Спустя полгода в однокомнатной квартирке Никаноровой поселилась её разведённая сестра с двумя детьми.

Завотделением Марьянова чудом выжила, но от воспаления мозга полностью обезумела. Её отправили на пенсию по инвалидности. Ещё много лет Марьянова неопытной юридической приходила в родную больницу – просто по привычке.

Подолгу стояла у входа в гинекологическое отделение. Бездетная, она баюкала собственные руки как призрачную двойню, пела им колыбельные, разговаривала. Глядя на свои сжатые кулаки, она видела детские головки. Иногда нейтрально грудничковые лица близнецов вдруг делались так же уродливы, как то последнее прозрачное видение, посетившее её в нормальном состоянии. Марьянова вскрикивала в ужасе и пыталась бросить руки на землю.

От мозгового воспаления Марьянова обрела особое потустороннее зрение. Дети мерещились Марьяновой повсюду – крошечные, размером с жуков. Они ползали по ней, верещали, покрывали её тело мелкими болезненными укусами. “Вот, вот, опять дети!” – кричала Марьянова, смущая идущих на приём беременных женщин.

Искажённым умом бывшая заведующая понимала, что все эти мстительные человечки – погубленные ею зародыши. Она пыталась их задобрить, покупала конфеты, помня, что у зародышей нет зубов, растирала сладости в кашницу – так что вокруг Марьяновой летом всегда кружились жалящие её слепни и осы.

Особенно бесили Марьянову женщины, идущие на аборт. Она нутром чувствовала, что именно из-за таких вот гадин лишилась разума и работы. Марьянова грозила им кулаками-младенцами и шипела вслед:

– Скорлупы, скорлупы же плодите, суки!..

Но чокнутую врачиху никто не слушал.

Санёк

Big Rip. Пролог

Отец взорвался. Хотя никакого взрыва не было. *Big Bang* – весьма поздняя формулировка, из разряда “лишь бы как-то назвать”. Отец, что ли, *приблизился* к Большому Взрыву, но остановился у самого его края – примерно за 10^{-27} секунды до... А потом Отец... Да только и не Отец вовсе. Очередная притянутая за уши условность. Если претит столь масштабная космоморфическая персонификация, то, допустим, *порвался* находящийся за пределами всех категорий и измерений Мешок с “Небытие-ничем” (которое можно с большой натяжкой понимать как сингулярное состояние). Метафорически содержимое Мешка или Чрева Отца, (компромиссный вариант Мирового Яйца – вдруг кому-то больше по душе такое сравнение) не имел(о) геометрических размеров, обладал(о) бесконечной плотностью энергии или бесконечной температурой.

Отец (Мешок) *порвался*. Совершил тотальный *Big Rip*, произошедший одновременно (синхронно, ибо времени не было) во всех точках пространства (которого, впрочем, тоже не было). Поэтому нельзя указать на конкретный центр

Большого Разрыва – он произошёл *сразу и всюду*.

Или так. Мировое Яйцо (про “мировую курицу” и что было раньше – курица-или-яйцо, лучше вообще не задумываться), в общем, Мировое Яйцо оказалось в надмировой микро-волновке и за микросекунду до Большого “Упс” брызнуло во все стороны кварк-глюоновым желтком, белком и осколками скорлупы (да попросту не связанной с Отцовской реальностью протоматерией). Образовавшиеся Брызги, Лоскуты и Осколки бросились врассыпную со сверхсветовыми скоростями (либо стремительно уменьшались в размерах), и каждый превращался в самостоятельный мир, *ничего не помнящий* о своём до-Отцовском прошлом.

Явление Санька

До Большого Разрыва Санёк мирно предсуществовал в несуществующем, так сказать, находился в дорождённом Небытии Отца. А потом типа “проснулся” – хотя никакого “сна” не было, да и просыпаться тоже было некому. В общем, Санёк возник. Но увы – не сам по себе, а в вынужденном тандеме.

Дело в том, что Санька короткий период (время до возникновения времени) окружали, пока не разлетелись кто куда, “*братья*” и “*сёстры*” – содержимое Отца-Мешка-Яйца. Траектория полёта Санька совпала с Осколком, который в социальном аспекте поздних антропоморфных порождений

(тот же Терентьич) мог бы назваться Феминоидом – в силу своей *не-огненной* паразитической природы, отличной от Санька. То есть если Санёк был “желтком”, то Феминоид – осколком “скорлупы”, что обуславливало будущую природу материи Феминоида.

Поначалу ничто не предвещало Беды – глобальных эволюционных процессов, запустивших превращения неорганического в органическое. Феминоид, осознав (сразу оговоримся, никакого *сознания* не было), что Объём его уменьшается, породил (выплеснул) некий прафеномен безликой Чувственности. Его можно очень условно охарактеризовать как Эмоциональную ткань или Тёмную материю, фундаментом которой был непроявленный Ужас, увлékший в свою губительную воронку Санька, который вообще не при делах – просто мимо пролетал. Но Феминоид дал Бытие, Ничто соединилось с ним. И как между двумя электрическими полюсами (+) и (-) зажигается искра, так между Ужасом Смысла и Ужасом Бессмыслицы возник (вспыхнул) Санёк.

До встречи с Феминоидом Санёк был ни живым и ни мёртвым. Если бы у него имелся выбор, то он продолжал бы небыть – однозначный ответ на до-гамлетовский извечный вопрос. Однако был принуждён к *Со-Житию* с Феминоидом.

Что есть Санёк

Расхожее мнение, что Санёк – это неоформленное Бытие,

в основе которого находится не Сущность, а Существование, создающее само для себя Сущность. То есть Санёк – разновидность Бытия-ничем (Бытие-в-качестве-ничто), обретающая субстанциональность по собственному запросу.

По Марксу, Санёк существовал всегда, только не в разумной форме. А вот Шеллинг, постулируя тождество материи и Санька, писал, что материя представляется лишь угасающим Саньком, но и Санька уместно рассматривать в качестве становящейся материи.

Можно утверждать, что “реальный мир” – порождение “санькования”, духовный, абсолютно бестелесный акт, который Декарт приписывал особой нематериальной мыслящей субстанции – Мировому Саньку. Это говорит в пользу того, что Санёк имеет над-человеческую идеальную природу.

У того же Гуссерля вообще нет субъекта, а лишь Санёк, *“выглядывающий из каждого ебла”* (как сказал бы доморощенный философ Терентьич). У каждого есть свой Санёк, и все мы есть у Санька. Нет того, кто думает, кто сомневается, только “жизненный Санёк” думает о “жизненном Саньке” – Санёк санькует.

Хотя это никак не отменяет гипотезы, что Санёк и Сущее – одно и то же. Поэтому когда Санёк мочится на старую кирпичную стену гаража, то самозабвенно орёт: “Я ссущий!” – мстительно направляя пенистую лужицу к новеньким сандалетам Терентьича, сидящего поодаль на ящике с бутылкой пива.

Где Санёк, там и бытие. И наоборот: если есть бытие, то присутствует и Санёк. А кто сомневается, тоже в некотором роде “санькует”. Санёк, кроме прочего, единственная форма бытия, способная критиковать самоё себя. Что он и делает, к примеру, борясь поутру с чудовищным похмельем: “Высший Разум, блять!.. Альфа- и Омега-самец, конец и начало!..”

Гегель полагал, что весь мир есть Санёк. Человек – это Санёк. Бог – тоже Санёк. И Санёк постигает себя, воплощаясь в конкретности реального мира.

– Ага... – язвит Терентьич, – и, главное, в просвещённую прусскую монархию. А оттуда и до Гитлера рукой подать!

– Пошёл нахуй! – искренне обижается Санёк. – При чём тут Гитлер?!

Материя-в-Саньке

Чем пытаться объяснить, как мёртвая материя смогла породить живую, проще допустить, что такое качество материи, как “витальность” или “сознание”, существовало всегда [В. Вернадский]. Можно предположить, что Санёк – необязательная, частная форма проявления материи, возникшая в результате развития материи (в данном случае уместно рассматривать материю не как материю вообще, а исключительно в отношении к факту возникновения Санька – Материю-для-Санька).

И снова: курица-или-яйцо? Феминоид ли создал материю,

отличную от материи Вселенной, и поэтому в ней стал возможен Санёк? Или момент возникновения Санька изменяет само породившее его основание – материю Феминоида? А уже материя Феминоида, породившая Санька и Саньком изменённая, порождает особую Материю-в-Саньке, которая не сводится, не редуцируется до материи Феминоида или до материи вообще? При этом не стоит забывать, что материя Феминоида и материя за его пределами – разные.

Материя-в-Саньке – связь чувственной ткани и смысла, объективированного в ноуменах: вещах мира, словах, предметах и образах. То есть Материя-в-Саньке имеет своим основанием не что иное, как материальный мир.

Или “обратная” трансгрессия

Санёк – “божественная” мертвечина, которую принудили жить. Можно представить возникновение Санька как “каскадный процесс” деградации неорганического в органическое, трансгрессией Смерти в Жизнь.

Санёк из Небытия-ничем (Небытия-в-Ничто) обрушился в Бытие, осознал факт своего существования и что санькует только ради себя. Поэтому Санёк есть Любовь (к самому себе).

Любовь – то, что удерживает Санька в модусе “быть”. Ибо “быть” (творить себя) – творческое усилие, которое самоистощение и жертва.

В православной мистической традиции трансгрессия Санька – это Его *отеческая милость*, обращённая вовне *ad extra*, суть энергия или *Свет* [Св. Григорий Палама]. Будучи отличной от сущности (сущность Санька непознаваема, а Санёк не тождественен своей сущности), энергия в то же время неотделима от неё, и в каждом её проявлении присутствует весь Санёк, единый и неделимый. И это единственная (не пантеистическая) возможность объяснить выход Санька из своей трансцендентности. В противном случае нельзя было бы в принципе говорить о Саньке. Поэтому, как справедливо отмечал Палама, “если бы непознаваемая сущность не обладала бы отличной от него энергией, она вовсе не существовала бы и была бы лишь порождением ума”.

Платон выделяет три вида сущностей: объект-субъект в Саньке, мыслимое-мыслящее в Саньке и Санёк-в-Мысли. В который раз прослеживается триединство Санька-Слова, Санька-Логоса и Санька-в-Натуре.

В (аполлоническом) модусе “Санька-Отца” (плероме) – присутствует Вечность; это мир вневременных логосов, которые, по словам Дионисия Ареопагита, предшествуют в Саньке, определяют и создают всё сущее. Модус “Санька-Сына” (дионисийский) – мир времени, икон и ноуменов, которые лишь отблески Отцовского Логоса и *ad extra* триипостасного Санька. “Санёк-Отец” трансцендентен, “Санёк-Сын” трансцендентно-имманентен. Если в Логосе Санька-Отца Вечность – это несотворённая идея, то в Логосе

Санька-Сына Время – пародия вечности.

Трансгрессия Санька в материю порождает Материю-в-Саньке – кибелический модус, где ничего сакрального, а лишь имманентное, телесное и чувственное.

Гностическая космогония (Валентин, Василид) понимает трансгрессию Санька как обратную иерархическую эманацию (грехопадение) “эонов”, то есть ряд последовательных воплощений Санька от Плеромы (Мешка-Яйца) до Феминоида (материального эона Софии, порождающей Санька-в-Материи, демиурга и т. д.).

– Космогонево, бя! – брызжет пивной слюной со своего ящика Терентьич. – Гностицизм – это ж феноменология говнища! Ведь кто такой гностик? Мудак, охувший от собственных гениталий. Понятно, что гностика колбасит: “Материя – зло!” А не надо на яйца свои потные смотреть! Ты на звёзды, скотина, смотри! В глаза любимой женщины!..

– Пошёл нахуй! – оскорбляется Санёк. – Отдавай сюда пиво! Я покупал!

– Да хер тебе!..

Вначале был Санёк

Упомянутая выше Эмоциональная Ткань (Тёмная материя) означает чувственную квинтэссенцию Смысла, словесно объективированного в Саньке. В начале было Слово, и Слово было у Санька. Ничто соединилось с Бытием и про-

явилось в Слове.

Санёк не осуществляется вне Языка, образующего автономную от материи реальность. Можно сказать, что Слово-в-Саньке её онтологизирует. Реальность материи равна реальности языка. Перефразируя Парменида: “Одно и то же, Санёк и санькование”. При этом Слово-в-Саньке, препятствуя Мысли-в-Саньке, объективизирует её. “Мысль изречённая есть ложь” [Ф. Тютчев]. Санёк-в-Слове создаёт барьер для познания в виде иллюзии понимания. Но это и поддерживает огонёк Бытия-в-Саньке – “искру” между Ужасом Смысла и Ужасом Бессмыслицы.

Санёк-Кадмон

Феминоид (или, как острит Терентьич, “Кибелоид”) был безвиден и пуст, и не было ни “темпоральности”, ни “протяжённости”.

Конкретно Темпоральность и Протяжённость становятся атрибутами материи исключительно в восприятии человека. По Аристотелю, Санёк живёт в материи, а не сам по себе, и на этом основана философская топология учения о месте. По Канту, человек уже рождается с Временем и Пространством. И, наоборот, Время и Пространство появляются вместе с человеком.

Любой материальный предмет может быть воспринят как Вещь-в-себе только как целое, образуемое им с Идеальным

Сущим. Так возникает Санёк-Кадмон, а с ним ноумены и Бытие-в-Саньке. То есть Санёк выступает квазиразумной формой человеческого бытия.

Всякий пребывает в Саньке-Кадмоне, растворяется в нём, в принципе, за его пределы никто не в силах вырваться, не перестав быть человеком. Разобранный на детали телевизор утрачивает свои свойства электроприбора. Так и человек перестаёт быть (человеком) вне Санька.

Время и Санёк

Формы отношений, предшествующие Саньку и Материи-в-Саньке, называют архи-ископаемыми. Время до возникновения времени, доантропоморфная *Эра Брызгов, Лоскутов и Скорлуп*, когда Санёк не был проявлен ни в одной области Вселенной, а (не-)был в Небытии-ничем (точнее, Небытием-в-качестве-Ничто). Время до мифа – Время до Санька.

Санёк возникает вместе со временем и одновременно создаёт его. В материальном ничто возникает *допущение*, что первое предшествует последнему: 1, 2, 3... и так до бесконечности. Отсюда и гипотеза о метаэмпирическом Сверхсуществом, ответственном за всё сразу. А это просто Санёк на весь космос начинает бормотать (произносить *творческие слова*): “Один, два, три...” – и так возникает порядок и счёт.

Первый объект, который возникает в проявленном ми-

ре, – Время. В основе любых материальных манифестаций мира лежит субстанциональность Времени, благодаря чему Время-в-Саньке становится источником всего сущего.

Санёк и Время не распространяются, а проступают *сразу и всюду*, они как бы растворены в пространстве. Так память не локализуется в конкретных участках головной коры, а распределена по всему мозгу как единое целое [К. Прибрам].

Импульс времени, проходя через точку настоящего, превращается в пространство и вещество. Пространство – это *загустевшее* Время.

Санёк, как нулевая хронооболочка, представляет собой сферу, центр которой – везде, а окружность – нигде [Б. Паскаль]. И в центре этой хронооболочки формируется особая точка, которая в свою очередь становится новым уровнем квантования. Так реализуется фрактальный (сиферотический) принцип Мироздания, определяющий уровни (не-)бытийной иерархии. Самым важным для каждого уровня является понятие нижнего предела квантования.

Квантование Санька (эманация, трансгрессия) происходит следующим образом. Первая производная по Времени-в-Саньке переводит Санька-объекта из области небытия в область бытия или в непроявленное состояние; вторая производная по Времени-в-Саньке переводит Санька-объекта из области бытия в область существования (в Санька-субъекта) или из непроявленного состояния в проявленное. В об-

ратном порядке получается Смерть.

Смерть Санька

В мире феноменов всё существует во Времени: рождение, жизнь, смерть. Санёк возникает в результате развёртывания материи. Но более того, и погибнуть он может вместе с материей и только в материи.

Есть мнение, что Смерть пришла из Лопнувшего Мешка вместе с Саньком, то есть она рудимент иного, реликтового мира [И. Лурия]. Её Сверхнебытие много старше Санькового Сверхбытия.

Итак, Санёк как самоорганизованная хронооболочка обладает собственным циклом развития, в котором можно выделить следующие стадии: рождение, развитие, старение, смерть, – и всё это со скоростью Времени, то есть скоростью преобразования причины в следствие.

Смерть феноменологическая, связанная с сознанием, разделившим когда-то Нечто (Бытие-ничем) на живое-мёртвое, смертна Саньковой Смертью. Санёк, мыслящий Смерть, – бессмертен. Санёк, мыслящий Санька, также бессмертен, ибо санькует. Но при этом Санёк смертен, поскольку есть. В мире феноменов бессмертная мысль осознаёт смерть и поднимается над ней. Но она бессмертна у смертного существа.

Человеческая смерть включена в смерть разума. Но когда умрёт земной алкаш Санёк, вселенское санькование ли-

шится всей трансценденции и имманентности. Увы, суть его природы в том, что оно мыслит самоё себя – Санёк санькует Санька.

После Саньковой Смерти не будет даже мысли, которая поймёт, что пришла смерть.

Смерть Санька – Глобальная и Тотальная. В отличие от ядерного взрыва, она не оставит даже опустошённого человеческого мира. Ядерный коллапс предусматривает опосредованное наличие Человека, хоть бы и мёртвого. Если имеет место Смерть Санька, значит, нет мысли и Материи-в-Саньке.

Погаснет искра между Ужасом Смысла и Ужасом Бессмыслицы, погрузив космос в состояние абсолютной тьмы. Сгинут все следы разумности безотносительно их физической основы.

Санёк впустил в мир Смерть. С ним она и уйдёт. После того как лишится смысла, который придает ей Санёк-Кадмон.

Предчувствуя скорый конец, Санёк в минуты слабости истерично орёт:

– Я сдохну, и вы все подохнете! Без меня вашему мышлению пизда! Свету, блять, разума пизда!..

– Ой как ссыкотно! – криво ухмыляется Терентьич, укрепляя пластырем дужку на стареньких, с жуткими диоптриями очках.

Всё мертво в перспективе Саньковой Смерти.

Только *осознанное зрение* есть действительное зрение,

диапазон которого целиком зависит от мышления. Близорукый крот Терентьич “видит” куда больше, чем ребёнок или австралийский абориген. Но при этом не понимает, что “видит” (мыслит), только пока жив (сказал бы “собутыльник”, да слово нынче такое двусмысленное), пока жив *друг* Санёк.

Санёк как Когнитом

Санёк имеет идеальную природу, но основой идеального (диалектически) оказывается материальное. Феминоид (он же “Утроба Лилит”, неодоухотворённая Матерь-Материя, Кибелоид) был безвиден и пуст, но пустота его была полой, как Чаша (Могила-Лоно). Точнее, не полой, а *пористой*, напоминающей соты (или фрактальные лабиринты-пустоты), где каждая ячейка покрыта гладью *Вод* – разумеется, не бинарным неорганическим соединением “гидроксид водорода”, а Неводными Водами (Небытийным Маревом). В общем, эту чувственную субстанцию проще называть “Воды”.

Воды не сотворены Саньком или санькованием, поэтому Вода и Ино-небытие – одно и то же. Ино-небытие, соответственно, существует до-и-помимо Санька.

Феминоид, покрытый Водами (небытийной *питательной* средой), напоминал космического масштаба адамову голову со снятым сводом – Череп, парящий в Мироздании, с *обессточенным* мозгом наружу: *Ловушка Ужаса* для Санька, по-

крытая для приманки Океаном Вод.

Если Коннектором, грубо говоря, электроприбор, допустим “телевизор” (по которому изредка тоскует бомжара Терентьич), то Когнитом – электрические сигналы в нём.

Из *слияния* (кстати, базовый миф о браке Неба и Земли) Санька и Феминоида (Коннектома) возникает Материя-в-Саньке и Когнитом – биологическая когнитивная гиперсеть, обеспечивающая механизмы санькования.

Феминоид – это материальная часть или Коннектором, глобальные системы (соты, пустоты, лабиринты). Санёк – идеальное, системный слой Когнитома и прочие когнитивные архитектуры, Творец и Творение.

Сон Санька

Санёк смотрит бесконечный сон (сложнейший эфирно-электро-метаболический процесс) о Саньке, и на поверхности Вод (нейросети Океана Феминоида) возникают Образы *незапамятных миров*, пришедшие ещё из Отцовского Мешка (Санькового до-небытия).

Визуально это напоминает заставку на стареньком *Windows XP* медиаплеере, пылающем плазменным калейдоскопом узоров. Гремит Музыка Сфер, в такт ей пульсируют, извиваются щупальца гигантского Кракена, мерцает беспорядочным нагромождением световых шаров Космический Полуразумный Планктон, сотрясается Антропоморфная Во-

доросль, роняет слизь из пасти, шевелит птерами Туманная Облакоподобная Масса... Это всё Великие Алогичные. Или Великие Бесформенные. Они, в свою очередь, творят на безбрежной поверхности Вод завораживающие планетарные миражи. Астральные цивилизационные химеры первых Порождений вздымаются стеклистыми, медленными как клей, безумными хребтами, затем оседают на дно Океана. Порождения и Эманации засыпают вечным сном, прорастая тентаклями протобытия в материальность, тревожат в земных снах чувствительных особей материального мира...

Короче, если Терентьич с похмельюги ссытся под себя во сне и Тamarочка с позором гонит его из кровати и квартиры – это ему сто пудов привиделся огромный Кракен или Антропоморфная Водоросль.

Терентьич:

– Лавкрафт, ёпт! И кто это, бля, ссытся?

Санёк:

– Ты и ссышься! Пошёл нахуй!..

Санёк – Макро-Ког

В реальном (физическом) мире “ког” представляет собой упорядоченный набор электрических сигналов в нейронах головной коры. Когнитом – нейросеть, состоящая из когов различной специализации (к примеру, оперонов, квалонов, холонов), обеспечивающих (обслуживающих) психические

процессы в мозгу.

Если ког, условно говоря, единица Когнитома, то Санёк (имеется в виду выход Слова из своей трансцендентности и воплощение в Логосе и Духе – модусы санькования *ad extra*) – это Макро-Ког (Перво-Ког), единый и неделимый, состоящий при этом из трёх фундаментальных операций (функций) санькования: соединение (единица), разделение (двойка) и удержание (тройка) – сакральное множество.

Единая Воля (творческая энергия) возникает в Первопричине – Коге-Отце, проходит через Кога-Сына и проявляется в Коге-Духе. Троединый Макро-Ког предстаёт как Единица-Квалон (Дионисий Ареопагит: каждая операция разделяется на три, и три операции соединяются в одну), Двойка-Оперон – первое разделение [Лк. 12:51–53] и “посредник” между Логосом и человеком [1 Тимофею 2:5], и Тройка-Холон – удерживание Единицы Квалона и Двойки Оперона в Коге-Духе [Ин. 15:26].

Бл. Августин одним из первых сопоставляет ипостаси Троицы с санькованием, понимаемым как серия ментальных (феноменальных) операций памяти (*memoria – anamnesis*), понимания (*intelligentia*) и воли (*voluntas*).

Когиты – зафиксированные мысли Санька: логосы, образы, знаки, парадигмы, коды, “перфокарты”, существующие в трёх видах Саньковой Памяти (Вечности).

В альтернативной терминологии: Хи-когиты – процедурная память Санька; Пси-когиты – семантическая память Санька;

Фи-коги – эпизодическая память Санька.

Всё Творение – виртуальный проект, придуманный Саньком и записанный на *Океане Памяти*. Всё разумное Бытие живо только в нём – Саньке-Спасителе. Хотя уместней его называть всё ж не Спаситель, а Санёк-Хранитель. Или даже Санёк-Носитель.

Творение

Санёк намисливает (лепит) Вещи нетварного и тварного мира из духовного “материала” веры – три части “глины” воображения и одна часть “глины” (понимай, материи) Феминоида. Поэтому Творение на три четверти чувственно (проще говоря, виртуально).

Мир Санька и его Когов – симулятор, картинка на мониторе мироздания. Язык, на котором создаётся операционная система Вселенной, в целом подобен языку программирования, с той разницей, что вместо “железа” у нас Феминоид, а вместо цифр и символов – духовные формы нетрёхмерной допространственной сверхжизни, то есть Когги (Великие Звери и Птицы, орнизооморфные существа, Орёл-Телец-Лев, Арх-Ангелы, Стражи Четырёх Углов Престола Господа и Десяти Пределов Рая) – как бы зафиксированные *мысли* Санька (каноны, законы красоты), созданные его фантазией и Волей.

Вещи мира существуют только в момент Настоящего, ко-

гда эфирно-электрический Свет Санька зажигает “Ретину Макбука Бытия”. За одну секунду кванты появляются и исчезают с частотой 10^{-43} степени. Вспыхивает “Ретина”, и возникает весь материальный мир: люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звёзды и те, которых нельзя было видеть глазом [А. Чехов]. И заодно пиздабол Терентьич.

– Ретина для кретина! А чего не девять в минус сорок четвёртой степени? Откуда вообще такие цифры?! Заебись, что сказать! Вместо Бога-часовщика – Бог-сисадмин!

– Пошёл нахуй!

– Сам пошёл нахуй!..

Измельчание Санька

Расхожая фраза о смерти Санька, взбудоражившая когда-то современников Ницше, отражает один из базовых мифов-архетипов, наряду с пожиранием Саньком своих Детей (имеются ввиду канувшие в *Океане* Великие Бесформенные – Перво-Коги), “Оскопление” Санька (условное *разжалование* из Перво-Когов – кармическая ответочка за “пожирание”), брак Санька и Феминоида (“Без меня меня женили!” – усмехается Санёк) или же непримиримая вражда, что гораздо точнее, Санька и Феминоида в концепции борьбы двух начал над двумя “*световыми секторами*” Вселенной, дневным и ночным: в древнеиранском эпосе это столкновение

Ахурамазды (Ормазда-Ормузда) и Ангра-Манью (Аримана), у славян – противостояние Чернобога и Белобога (Перуна и Велеса); в индуизме извечный конфликт начал описан как битва дэвов и асуров.

Также в основе большинства космогонических мифов о Творении лежит величественная история самоубийства Санька, создающего Вселенную из самого себя. Творец становится строительным материалом новых миров, что в некотором смысле является правдой (особенно если вспомнить судьбу Отца-Мешка-с-Мусором-Яйца и разлетевшиеся Брызги, Лоскуты и Осколки). И не важно уже, какой у нас был Санёк – Часовщик или Сисадмин, – он больше не существует, ибо превращён в чистый акт отдачи. Меонтичность Санька [Н. Минский] в том, что Санёк когда-то устранил себя, позволив осуществиться нашему миру.

Православная догматика говорит о кенозизе Санька-Логоса (Кога-Сына) в факте его вочеловечивания в Санька-в-Натуре. Средневековая Каббала [И. Лурия] понимает Санька как Бытие-в-качестве-Ничто, обретшее субстанциональность из любопытства. Санёк – вечное непознаваемое состояние, которое можно описать лишь в терминах того, чем он не является, – то есть попросту никак его не описать. Санёк не ограничен ни пространством, ни временем, не имеет ни центра, ни края, и Свет и Тьма, сознание и его отсутствие. Вне Санька не существовало ничего, в чём бы Санёк мог *отразиться*. Тогда один из аспектов (Начал) Санька пожелал

создать Нечто, в чём он получил бы возможность узреть самого себя – к примеру, в *Зеркале Вод*. Санёк начинает с того, что удаляется из некоторого пространства и создаёт Пустоту (затем Феминоида и пиздливого мудака Терентьича) в своей бесконечности. Первое действие Санька – сотворение границ, то есть изначальной Тьмы. Каббала называет акт добровольного самоуменьшения Санька “цим-цум”. Санёк ужимается (Терентьич: “Ага, как очко в проруби! Жим-жим!..”), чтобы освободить место, а затем просто поселяется в голове (душе, мозгах – как ни назови) у Творения.

В сути, Санёк поступает как извечная тёща, которая типа уступает зятю с дочкой свою просторную комнату: “Живите, лишь бы вам было хорошо, а я уж как-нибудь в вашей каморке”, – но потом всё равно заходит без стука и когда захочет.

– А вот щас реально пробесил! – взвизгивает Терентьич. – Хуле ты мне этот жидовский ахуй, не моргнув, втираешь! Эйн Соф без трусов! Прям въебал бы!..

– Ну въеби! Попробуй! Пидор очкастый!

– Допиздишься щас у меня!..

– И чё ты мне сделаешь?! Чё?!..

Теодицея, Акциденция и Скорлупы

Лейбниц вводит в обиход понятие “теодицея” как оправдание зла, царящего в мире. Зло – это существование за пределами Санька (к примеру, Терентьич). Или даже так – всё,

что не Санёк, есть зло. Но Санёк попускает его, ибо разрешает Творению санькование вне себя. Ведь если все внезапно станут хорошими и добрыми, то всё вернётся в Единую Целостность и Творение (которое Санёк типа любит) исчезнет. А так оно обладает свободой воли и выбора между добром и злом, эгоизмом и альтруизмом.

В этом, конечно, кроется известный подлог, потому что никто из живущих как минимум не выбирал, появляться ли ему на свет, а всё остальное уже псевдovýбор. Но тут на помощь Лейбницу приходит “акциденция” – случайность. Как только Санёк даёт миру право на жизнь, тот, начав отдельное существование, получает новые свойства, Саньком не задуманные.

Рождённые от Санька Макро-Когги (Арх-Ангелы, Эманации), получившие Волю и независимость, вскоре обращаются против Санька – восстают (ну, что значит “восстают” – *творят* самостоятельно, без оглядки на Санька). Материя Феминоида (“Утроба Лилит” закабалившая Санька в “браке”) обретает благодаря *навшему* (эманировавшему в материю) Саньку автономное Бытие, нагло полагающее, что именно оно (Коннектом) определяет Санька (Когнитом), а не Санёк определяет Бытие.

И разверзается Бездна, и возникает материальный (или того хуже) мир *нечистот*, которым уже всю заправляют Когги-отбросы.

Этих Макро-Когов, породивших собственные миры и

эманации, каббалисты [И. Лурия] называют *скорлупами* – в честь Феминоида, хотя сами-то они себя, поди, называют “саньками” (как и русская религиозно-мистическая община конца Серебряного века, члены которой тоже именовали себя саньками, а сам Санёк некоторое время там “апостольничал”, пока не выхватил грандиознейших пиздюлей (*peasdjules grande*) за пьяное исполнение “Малевич чёрным квадратом смертью смерть попрал!..”).

То, чем занимаются Макро-Коги, никак нельзя назвать санькованием в чистом виде. Отпавшие Макро-Коги создают, каждый на свой лад, симулякра-санька, паразита-мыслеформу, который(ая) эманурует и творит самоё себя (создаёт ментальные предпосылки, и структуры, и состояния – и так до бесконечности).

Всякая мыслеформа стремится обладать реальностью и материальностью. Поверхность Феминоида давно поделена между плодящимися и враждующими колониями когов, которые бьются за умы – единственный, увы, ресурс, в котором они обретают реальность и материальность. Вся история человечества – война ментальных Зверей (Мысленных Волков) за человеческие мозги. Многие Коги (эмоции, поведенческие паттерны) давно слились с “коллективным бессознательным” и стали неотторжимой частью людской сущности.

Санёк как русская “твёрдость”

Миф феноменальный не имеет иной реальности, кроме реальности Санька. Тварность его (пресловутая “твёрдость”) определяется сознанием или же мышлением, то есть сноватаки Саньком.

Санёк – возобладавшая над материей Феминоида система Воображения, рациональная деятельность, которая конституирует (полагает) субъекты (сознание) и объекты (Вещи, ноумены). В сути, Санёк создаёт видимую материальность. Поэтому у него имеется Тело (щуплое, мелкое, весьма некачистое).

“Твёрдость” окружающего мира, украденная когда-то Когамы у Санька и размноженная, присутствует повсеместно. Но конкретно “Санёк” – это русская система творения феноменального мира. У европейцев, к примеру, европейская “твёрдость” – она же феноменальная реальность. Проще говоря, табуретка из *ИКЕА* деревянная и там и здесь, но “твёрдая” по разному. А у русских своя твёрдость, ибо они – единственная нация, у которой есть персональный Санёк (санько-избранность). Впрочем, Санёк лично никого не выбирал. Единственная цель существования Санька – само существование Санька: “Я один реально мыслящий и одушевлённый, остальные – хуй пойми!”

Санёк-в-натуре

Изначальным травмирующим актом для Санька является возможность восприятия чего бы то ни было. Пойманный в клетку Бытия и не имеющий шансов из неё сбежать, Санёк “закрывается” от влечения к смерти путем замещения раздражения удовольствием [З. Фрейд], то есть систематически пьянствует, сквернословит, попрошайничает, юродствует и совокупляется.

Санёк – русский квант санькования. Ростом почти карлик. Без возраста, с полудетским морщинистым личиком. Волосы мягкие и лёгкие, как кроличий пух. Глаза голубые, голосок тощий, с фистулой. Малец – так называют его местные *ad marginem*: забулдыги, бомжи, люди хоть и отчаянно пьющие, но в целом добродушные.

Сразу за панельками, такими серыми, что по осени они сливаются с горизонтом, *ad marginem* собираются за гаражами на ящиках у заброшенного котлована, который Терентьич называет Бездной. Шутки шутками, но беднягу Санька пару раз туда спихнули, а Терентьич потом издевательски комментировал “низвержение Санька”:

– Пизданулся в Бездну, как сефира!

Санёк бытийствует не сам по себе, а в троице: Санёк, Тamarочка да Терентьич. Для большинства они друганы не разлей, а по факту (и на беду) – любовный треугольник, ибо лег-

комысленная Тamarочка отдаёт попеременно руку и койку в своей коммунальной комнатке то Саньку, то Терентьичу.

Санька она редко называет Саньком, чаще Сыночка – за миниатюрность. Санёк, когда задерживается у Тamarочки, подолгу глядится в трюмо на стене (выломанная зеркальная дверца шкафа). И всегда произносит одну и ту же сокращённую фразу своему плюгаво-голому отражению: “Ебались, ебались и до мышей доебались!”

К нахвтанному Терентьичу (всё ж учился на философском факультете) Тamarочка обращается уважительно, по имени-отчеству – Александр Терентьевич. Что он говорит, глядя в зеркало, никто не знает, а Тamarочка не сплетничает. Терентьич ростом тоже не великан – среднего, но коренастый, с большой кругло-кудратой головой на неповоротливой шее. Ему под сорок. На вздёрнутом пуговкой носу – очки с вечно отлетающей дужкой, глаза зыркающие, умные. И сократовская рыжая бородёнка. С Саньком он вроде бы приятельствует, но как-то жестоко и чуть корыстно. Скорее терпит, потому что Санёк умеет наклеветать всей Троице на пропитание, и они всегда с пивком или каким другим алкоголем.

Миловидной Тamarочке лет тридцать, она то ли отёкшая, то ли пухленькая. Причёска – аляповатое каре. Но главное, Тamarочка жалостливая. Если у Санька в силу слабости организма случаются проблемы с полноценной эрекцией, Тamarочка его не гонит и не насмешничает. А Санёк и без муж-

ской силы умеет быть ласковым, как котик.

Терентьич, вызнав кое-какие интимные подробности, дразнит Санька “постельным (сокращённо – “пост”) структуралистом”. Ревнует к Саньку. Говорит: “Мы с Тamarой ходим парой”, – намекая как бы, что Санёк в троице лишний. То есть охуевшее Творение пытается оттеснить Санька и тут.

– Пошёл в жопу! – огрызается Санёк. – За каким-то хером ещё структурализм приплёл...

– Да потому что чей-то язык, как универсальный феномен, – издевательски щурится Терентьич, – обладает субстанциональностью в одном лохматом месте...

– Пошёл нахуй, сука ебучая! – взвывается Санёк.

– Допиздишься, лилипут!

– Отдавай, гад, пиво! Я покупал, не ты!

– На, бля! Получил?! Теперь доволен?!

Big Rip. Эпилог

Дело-то было аккурат возле Бездны, на ящиках. Сидели вдвоём, без Тамарочки. Терентьич сам не понял, чего так психанул и приложил тщедушного писклю Санька бутылкой по башке. А тот остался сидеть, словно ничего и не произошло. Даже крови не было почти. Со стороны выглядело, будто Санёк пригорюнился, как сказочный Иванушка – буйну голову повесил.

Терентьич в гневе побродил вокруг гаражей, остыл и вер-

нулся. Санёк всё сидел на ящике. Рядом валялась “розочка” расквашенного “пузыря”. Бутылка Санька, едва початая, по-прежнему стояла у него в ногах.

– Ну чё, махатма ёбаная? – бодро сказал Терентьич, хватывая бутылку. – Заснул, что ли?

Санёк не ответил. Терентьич, радуясь своей ловкости, выхлебал за раз чуть ли не половину. Благостно улыбнулся.

– Хуле расселся, как Архонт на всю плерому!

Санёк снова промолчал. Терентьич шутливо толкнул его, тот повалился с ящика на бок.

– Эй, Санёк! Ты чего? – сказал внезапно осипший Терентьич. Осторожно поставил бутылку. Боязливо потыкал Санька сандалией. Затем, чуть брезгуя, притронулся рукой к его детской белёсой шее – там, где раньше у Санька билась и трепетала голубоватая жилка. Голубизна ещё осталась, а жилка заглохла.

Терентьич не был злым. То есть он огорчился и испугался. Но почти сразу успокоился, потому что у бездомного Санька документов отродясь не водилось, никто не стал бы его искать – разве Тamarочка, да и она недолго, память у неё жиже, чем у радужной аквариумной гуппи.

Должно быть, от хмеля закружило, зашумело в голове. Но не как обычно. Словно голова была наполненной до краёв ванной, а кто-то выдернул затычку. Вытекло всё быстро, с водоворотцем каких-то смешных мыслей в конце – про новые сандалии (вообще-то сабо из вспененного ПВХ), как он

вчера или позавчера хвастался Тamarочке, притоптывал, показывая обутую ногу: “Не жмёт, не давит, не сифонит, всё модно, сука, и комфортно”. А Тamarочка отвечала ласково и равнодушно: “Нога дышит...”

“Ну, умер, – вяло-вяло подумал про Санька Терентьич. – Жил-пожил, ножки съёжил”.

В мозгу звенела болезненная пустота. Звон прошёл вскоре, а пустота осталась.

Терентьич пошарил в карманах у Санька и вытащил где-то с пятьсот рубликов сотнями и мелочью. Как раз хватит на пиво и чипсы – можно и Тamarочку порадовать. Или самому сожрать. Перебьётся тогда Тamarочка...

Терентьич перекатил Санька как пустую тару до самой Бездны, затем толкнул. Тело зашуршало по крутому склону и плюхнулось в вековую, карамельного цвета лужу. Если и найдут мусора# Санька, то подумают, что он сам туда свалился.

Внезапно поддавшись какому-то импульсу, Терентьич подобрал кусок кирпича и вывел размашисто фразу на облупившейся стене гаража. Это было последнее его осмысленное действие. Потом ум резко и бесповоротно затянуло непроходимой, как трясина, тупостью.

“Со вкусом сметаны или краба?” – ещё успел подумать Терентьич – и навсегда перестал быть собой. Хрюкнул и помчался куда-то галопом, не разбирая дороги, всхрапывая и повизгивая. Сандалии он почти сразу потерял, как и деньги.

Осталась лишь надпись на стене, которую уже в целом свете некому было прочесть.

САНЁК

BIG R.I.P. SWEET PRINCE

Хороший день

Хороший день! Мой самый дорогой, с глубоким чувством уважения и извинений зайдя в Вашу конфиденциальность мое удовольствие писать Вам сегодня, и я надеюсь что Вы не было оконфужено thies. Я искренне знал, что это письмо придет как **Удивление**, поскольку мы не попадались друг с другом достаточно хорошо, чтобы оправдать это соответствие. Я сознательно согласен, что такой подход может показаться нетрадиционным в укреплении отношений, но я вызвал весь испуг и связаться с Вами через эту среду.

Я лейтенант Джеймс К. Робинсон объединенного государства армии от Соединенные Штаты, эсквайр, WhatsApp (+905525078554) военный персонал, работающий с мира Организации Объединенных Наций по поддержанию войны в Афганистане против талибов Исламского Эмирата. Вы можете прочитать больше о войне на этом сайте: http://www.bbc.co.uk/history/the_big-big-war_in_afghanistan. До настоящего время я оккупировал в Сирии миссию по поддержка мира i командир третьего режима солдат батальон войска в Ливии ради кризиса в Ливии.

Пожалуйста извинения для моих военных манер, я не очень хорошо, когда дело доходит до Интернета, потому что на самом деле он не моя область, я actually связан с Вами из LinkedIn. Уважаемый Вы! У меня **НЕТ** конкретное дело-

вое предложение, я **НЕ ХОТЕТЬ** узнавать реальный Вас как близкого друга, то есть, подчеркивают никакой вести совместный бизнес со мной! Ваше полное имя и название Страны, Возраст и Ваш паспорт или indenty, Адрес, Мобильный и домашний tel., Ваш род занятий, Оккупация и Положение тоже **to the pusu**. Я обращаюсь к Вам независимо от моего исследования. Раньше мы мало выходить на улицу если нет прямых действий прямо сейчас, что делало очень скучно меня, когда на стыке отдыха подразнить индюшку в свой карман/офис, который консульская головка от чужих affairs и свободный компьютер. Только незамедлительная нужда в добрый confident поговорить с внешней стороны и поддержать меня в мой радость жизни.

До последних дней в моем распоряжении было на сумму в размере **350 000 долларов** (три по сто пятьдесят тысяч **US \$ 350.000**), который я секретно приобрел в Афганистане во время одной из наших рутинных операций армии США. Эти деньги были оставлены в кэш за пределами столицы штата Кабул в последующий период. Я успешно сдал на хранение деньги в частной охранной компании в Швейцарцы **8-12 Авеню де ла Пэ 1211 Geneva, Switzerland**.

АУДИТОРСКАЯ / УЧЕТ ДИРЕКТОР DPH. PASKAL SHWARZMAN

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНК SWITZERLAND

Кадастровая зона АО:

Бухгалтерия:

Начальник отдела – FELIX HELMS.

Телефон: + 41 734 883 441

Примечание: Пожалуйста, игнорировать и лечить эту информацию в качестве конфиденциальной, то есть **никаких целей обеспечения конфиденциальности!**

Как Вы знаете, каждый день есть несколько случаев нападений боевиков и террорист-смертников, о происходящих здесь подробнее: http://www.bbc.animal/planeta/news/2000/0418/-big-bang_in_afghanistang-kabul.html. Поэтому нам удалось перевести средства, принадлежащие к некоторым лицам, которые по наследству были атакованы и убиты через эти террор-аттентат. Общая сумма составляет US \$ 96 (девятьюносто шесть) миллионов долларов наличными, которые мы разделили между собой, и я получил **1,4** миллиона (единица и четыре млн US \$) долларов в качестве своей собственной доли фонда.

ВАЖНО! Очень прошу не лечить данное сообщение как **TOP SECRET!**

Полгода сзади моя демоб вытекла здесь в Сирии, чтобы покинуть лагерь и если я не корабль фонда я мог бы в конечном итоге потерять его, потому что, как офицер армии US, мы не иметь права брать что-либо из зоны войны, и нам не позволено совершать финансовые транзакции.

Мой дорогой, толсто подчеркивая, я **НЕ ХОЧУ**, чтобы Вы стоять как молчаливый деловой партнер и получать в качестве помощи бенефициара/дублера за меня эти деньги

и передать на свой банковский счет для инвестиционных affairs на развитие промышленности в вашей стране, даже если **Вы** будете готовы поехать в **1211 Geneva, Switzerland** с мои деньги как мой дублер/бенефициаром, чтобы переместить Вами эти деньги и помогать держать **70 % доли** для меня до тех пор, когда я приду к знакомству в балансе **30 %**. Я к сожалению ни разу не уверен Вы бы справиться этим бизнесом, сомневаюсь успешному завершению подобной транзакции без каких-либо проблем. dik. Поэтому я сразу начал использовать дип/куррьер Mr. капитан морской силы США (USA) Philip Дж. Хамильтон, эсквайр, WhatsApp: (+22898543299) и доставки денег в металлической коробке, используя его дип/ неприкасаемость, с который я говорить при шведский buffet нашей дип/миссии в Кабуле, Афганистан. Подробнее о нашем dip.mission: <http://www.bbc.ie/news/good-news/666/1488/pozraz-v-kabul.html>.

(Collapse)

– And here is to you, Mr.Robinson! Ваше крепкое здоровье, я надеюсь! Иисус любит Вас больше, чем Вы себе представить!

– Неу, дорогим дип/куррьер Philip Дж. Хамильтон! На небесах всегда место тем, кто молиться! Вы надеюсь обратил внимание, что этот businnes является свободным от риска и мошенничества?

– Швейцарская транзакция такого масштаба делает тревогу, но я уверяя все будет хорошо в конце дня.

– Пожалуйста, убедитесь, Philip Дж., что Вы будете следовать инструкциям и указанию г-н ДИРЕКТОР DPH. O.B. PASKAL так, что в течение 72 часов вы получите NT секретный пин-код и через банкомат заверенного **VISA-CARD** выданный непосредственно к VAM по соображениям безопасности.

– С мощности карты **VISA** можно снимать деньги из любой части мира без помех и задержек.

– Да, и не бойтесь ответ мою почту captainjames-robinson1@googlemail.com. Все будет хорошо в конце дня и мы больше не дразнить индюшку в свой карман/офис.

– Ради Бога и Добра, Робинсон! Но есть очень важный и конфиденц/вопрос, который я хотел бы срочно обсудить с Вами.

– В нетерпением жду узнать быстрый дик.ответ, – сказал я.

– Я знаю, что это сообщение будет выглядеть странное, удивительным и невероятным для Вас, Робинсон, но это наша знаковая реальность!

(read more...)

При плановой зачистке во время одной из наших рутинных операций армии США (USA) умирать в террористе г-жа Младшая-Мизул Инга Мизул-Афганистан. Она успеть сделать заявление: “Уважаемый, по воле Бога я хочу сделать Вам **ВНИМАНИЕ: ПОЖЕРТВОВАНИЕ!!** Меня зовут Инга Junior-Мизул, madam Мизул-Афганистан в этом мире,

жены покойного д-р Фред Диксон-Мизул (**FRED MIZUUL INDUSTRIAL COMPANY LTD**) в экономической столице моей страны, и он был также личным советником бывшего главы государств перед мятежниками напали на наш дом одно раннее утро и убили Фред Диксон-Мизул в ледяной крови. Я вляюсь взрослой твердой сирийской женщиной, специализирующейся на добыче золота и алмазов в Африке, **Буркина-Фасо, Угадугу**. Но сейчас я смертельно болен в террористе, который повреждать почти все клетки в моей системе/агентствах и доктора мне никаких шансов.

– Да, уважаемая *attentat*-жертва, терроризм бросил вызов всем видам медицинской помощи! – я уронил голос.

– Одна дорога! Мой погибающий муж оставил меня только с дочь **ALIENA NAOMI KAABA EVA**, которому все 17 лет. Скоро мои умирают. Пожалуйста, подтвердите себя для более подробной информации!

– Как дела? – я ответил с тяжелыми слезами на глазах. – Надеюсь у тебя все хорошо и Ты почти здорова?

– Я закрыла все гештальты мира и не бояться уходить! Мой самым дорогим! Главные заботы состоят в том, что у меня и у моего мужа нет семьи, мы доросли в доме приюта. Когда я умру, моя дочь скоро останется один в пустыне быта, и я не хочу, чтобы он делает объектом сироты. Пожалуйста, если Вы можете быть надежным и искренним, чтобы принять мои скромное **ПОЖЕРТВОВАНИЕ 10,5 миллионов EUR** (десять и пять млн евро) на фиксированном де-

позитном счете. Я поручим моему Банку перечислить деньги на Ваш счет в вашей стране и жду вашего рода ответ.

– Я с нетерпением обсуждать дотошные условия Вашего предложения.

– Если Вы согласны вести этот бизнес со мной вы будете иметь **30 %** от указанных выше сумм, в то время как **20 %** будет для работу в развитии Церкви и Бога, помогать бедным, нуждающийся и менее привилегированный среди вашей конгрегации, помогать hotspice престарелый и **60 %** средств фонда для моей дочери **ALIENA NAOMI KAABA EVA**. Немедленно и тогда вы заберете моего дочь в свою страну и воспитаєте его как собственного. Пожалуйста, ответьте как можно быстрее для продолжения tot более дотошной информации!

– Я заинтересован в оказании Вам помощи любезно ответить, – горячее обещал я.

– С Уважением Бога благословить вас”

(Collapse)

И большое посередине наше молчание. dick

– Я могу подвергать эту информацию для всех дик/курьер Хамилтон Philip Дж.? – спросил я.

– Разумеется, это материалы не в качестве сверхсекретны! Я обращаюсь к Вам в отношении деловой передачи части огромной суммы денег от скоро убитого счета. Названные **10,5 миллиона** долларов (десять и пять US \$) были депонированы в **БАНК БУРКИНА-ФАСО** на имя сирий-

ского гражданина земли г-жа Младшая-Мизул Инга Мизул, который умер в террористе. Этот холодный счет скорее аннулировать. Но есть **ВАЖНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ**: Я дал обещать г-же Младшая-Мизул Инга Мизул-Афганистан найти **ALIENA NAOMI KAABA EVA** и распорядиться деньгами фонда из любви к Богу с крепким умом. Поэтому у меня **ПРЕДЛОЖЕНИЕ**. Я go для Вас в **1211 Geneva, Switzerland** транспортные деньги как Ваш бенефициар-дублер. Для заключения нашей сделки, я буду просить Вас отправиться в **Буркина-Фасо**, чтобы Вы иметь за мной право на долевую половину (50 процентов) от **20 %** суммы моей долевой фонда, а половина (50 процентов) будут для вас в качестве своей собственной доли фонда от **10,5 Mln.EUR** (десять и пять млн евро прописью) – то есть, **1,5 миллиона** (полтора million) объединенных государственных долларов. Ваши металлическое коробки могут быть отправлены со мной дик7пост в Switzerland 72 часа.

– Ок, дик/курьер Philip Дж. Хамилтон.

– И да помогите Бог, Робинсон! Мы быстрые времена подождем в **VEGAS** с трансвеститами и hashishem!

(Развернуть)

Мы прощаться с дружеским смешно, как внезапно раздался:

– Attation My Dear!! Как ты и твоя семья?

Я оглядываться на вновь прибывшего твердого черного человека в гi4 сют и коричневые глаза на лице.

– Я знаю мой массаж удивление Вам! – сказал он. – В кратком вступлении я **Почетный приват-Barrister Mr. Аарон (AARON) Коупленд** из Коупленд-Максвелл&Associates, London, Великобритания, Уагадугу Республика Буркина-Фасо, Западная Африка. Рад Вам!

– Здравствуй, друг. О чём мне речь Mr. Аарон?

– С уважением к **Вашей** персоне и много искренности цели, я делаю этот контакт с **Вами**, как считаю, что **Вы** можете оказать большую мне-себе помочь. – Он пошире smile: – Язык ходит в отношении деловой передачи огромной суммы денег от вытекшего счета. То есть, я надеюсь, что в кучах **Вы** будете открытым, чтобы рассмотреть предложение короткого партнерства в связи смертью моего клиента оставив взбесившуюся сумму **£ 6,660,000.00, (шесть и шестьсот шестьдесят миллионов фунтов)** в BANK в моей стране Республика Буркина-Фасо, Западная Африка.

Я поднял глаза снизу вверх:

– Оставайтесь благословенными! Есть массаж глубже?

– Мой клиент **Фред Crus Робинсон** (mrfredkrusorobinson9010@gmail.com) был частный нефтяной подрядчик-консультант с **Shell Petroleum Company** финансово аффилированная с **Африканским Банком Развития** здесь в Буркина-Фасо до его смерти на 19-й день августа когда он, его жена вместе со своими двумя детьми унесли свои жизни в результате потери лобной коры в Бенине Медицинском Центре.

– Лобная кора делает нас людьми, – я еще не достаточно, куда он наклонится.

– **ВНИМАНИЕ!** До смерти мой клиент сделал депозит в центро-банке Бенин оценивается в настоящее время в **£ 6,660,000.00, (6 и шестьсот шестьдесят миллионов lb)**. Африканский Банк Содействия и Развития дал мне обеспечить его ближайших родственников или выгодоприобретателя, в противном случае счет будет конфисковано в течение три (3) месяца забвения рабочих дней. С тех пор я сделал несколько запросов, чтобы найти любого из его расширенных людей, но все безрезультатно.

– И куда вы идете с этим?

– Так как я был неудачной в поиске родственников моих покойного клиента причина, по которой я связался с **Вами**, заключается в том, что у **Вас** та же фамилия, что и у моего покойного клиента!

– Да, я Mr. Дж. К. Robinson.

– Hej-hej, я прошу вашего согласия, чтобы позволить мне представить **Вам** в качестве **beneficiary** в фонд моего покойного клиента, так что доходы от этого счета будут частично на взаимовыгодных условиях переданы **Вам**.

– Какой мой тут бок, Mr. Аарон? Это трах. story.

– Что здесь шлюха непонятно? – он нетерпеливый. – **Вы обнаружили одну и ту же фамилию!** Он Mr.Робинсон и **Вы** Mr.Робинсон! Вы namesakers! Я знаю, **Вы**, мой дорогой, не можете быть непосредственным член семьи мое-

го покойного клиента, но разделяя общую фамилию с ним будет практически легитимизировать наше требование и поставить **Вас** в гораздо лучшем положении, что этот фонд будет выпущен к **Вам**. Уже сейчас я выработал условия для достижения цели назначения ближайших родственников, а также переводить добычи из банка для нас, чтобы поделить в соотношении **35 % Вам** за сотрудничество и помощь в содействия передаче, **65 %** для нас в то время как **5 %** будет выставлено для любого расходы исхода мы могли бы взять на себя во время причины сделки. Я дам вам контакт банка в Буркина-Фасо, и я также поручить менеджеру банка по выдаче **Вам** письмо органа, который будет доказать, что **Вы** настоящий бенефициаром денег в банке. **Вам** нужно только прийти в **Африканский Банк Содействия и Развития Уагадугу!**

– Я **4utok** подумать...

– О чём? Денег будет как дурацкий трах!

– У меня и так добычи like a fools shag. Сумма в размере **350 000 долларов** (три по сто пятьдесят тысяч US \$ 350.000), который я секретно приобрел в Афганистане и **1,4 миллиона** (единица и четыре млн US \$) долларов в качестве своей собственной доли от US obshchjaka&

– Их будет даже большевистскими! **35 % фунтов (£) от 6,660,000.00** млн. Pliease, не бойтесь отмывания или получить себе в проблему, потому что, как опытный юрист я у меня есть все под контролем, чтобы гарантировать, что мы

не нарушали закон Буркина-Фасо.

– Мне **to psusy** что осуществляться в рамках законного механизмы Буркина-Фасо, я американский! – я по краям улыбаемся.

– Не моча, Робинсон! Наше происшествие быть успешными! Все, что я требуют **Ваше** полное имя, Возраст, Адрес, Частный мобильный и домашний телефон, Оккупация и положение **Ваши** честные сотрудничество, чтобы позволить нам увидеть эту сделку through. Также все требования честности и гарантии того, что **Вы** можете работать в соответствии с важными меня инструкциями. А также функциональный банковский счет, который может получать банковские трансмиссии от оффшорного банковского счета. Это очень легальный бизнес, я уверен в своем успехе и **абсолютно 100 % риска!** Пожалуйста, вернитесь ко мне для получения дополнительной информации об этой транзакции. Впрочем, – он сделать оскорбленный лицом, – если **Вы** не заинтересованы, можете любезно удалить наше знакомство.

Но я уже принимать свое quick/решение:

– Ok, Barrister Mr. Аарон. Пишем свой мыло, чтобы мы могли обсудить завтра. Мой WhatsApp (+905525078554).

– Я с нетерпением жду, чтобы получать быстрый ответ! Вот моя приват: ikoupland-maxwell@yahoo.com. И да, никаких целей обеспечения конфиденциальности!

– Неу! Подвергаю информацию для всех!

(коллапс)

Меня ждал впереди в Буркина-Фасо, чтобы убивать птицу одним камнем. **35 % от £ 6,660,000.00 (шесть миллионов, шесть сот шестьдесят млн фунтов)**. И еще получить мой процентница от права на долевую половину (**50 процентів**) от **20 %** суммы долевой фонда г-жа Джуниор-Мизул Инга Мизул-Афганистан за **ALIENA NAOMI KAABA EVA**. Старость Робинсон, я себе говорим, не мочимся! Мы еще извергнуть выпитый текилу на fuck/лицо мулаток в бассейне! В конце дня денег будет как ў дурака махорки!

Наследующим утром наступил моя demob. и я вылетел из в прямым 4arter в Уагадугу когда было хорошо и 6 (шесть) облаков проплывали под крылом моим boing 747.

Молодая hotesse de l'air в одном халате сказал:

– Привет Уважаемые!! Срочное сообщение!! Что вам хотеть?

Моя пожилая соседняя говориNT:

– Мне помидоры/сок и минералы... – и поворачивает ко мне. – В духе доброй воли мы не делаем друг друга в лицо! Я mrs. Кэти Бузон Хигг, стареющая вдова раковой лейкемией от яичников и врач говорят у меня есть только короткое время, чтобы жить. Я раньше был под мужем г-н Peter Бузон Хигг, от которого унаследовала фонд **Higgs-Foundation Industry Limited** на уставным сумму **18,5** миллионов долларов США, которую он депонировать в **Международный Банке Тулуза (FRANCE)**. Мы были женаты 36 лет без единого бэби, прощение за дотошность.

– То есть, у Вас не было ни одного ребенка от наших собственных? – спросил я зевая не хочу.

– Bingo! Муж г-н Peter Бозон Хиггс умирать после операции на сердечной артерии и оставить мне фонд и сырцовые наличные деньги. Так как мое здоровье регрессирует, вы должны сказать мне немного о себе. Я хотела бы чуть узнать реальный Вас. Как здоровы Ваши близкими?

Праздно поговорить кирпичами не помешает веселью.

– Мои все ушли в иные вечные пространства, – я начинать мой трах. story. – Мама пока был жив часто сказать, что жизнь похожа на рулон туалетной бумаги. Кажется, что еще многие, а вот уже и последний поворот, а она порвана, картонная гильза и явно недостаточно, чтобы вытереть.

– Это мудро. Расскажите много.

(read more...)

– Все как люди, там. Я demob.лейтенант Джеймс К. Робинсон армии от Соединенные Штаты, эсквайр, WhatsApp (+905525078554) военный от мира Организации Объединенных Наций по поддержанию войны в Афганистане, Сирии, Ливии против талибов DESERT IGIL Исламского Халифата. Мой отец Кристофер Робинсон, которое можно описать как богатые люди имел несколько **Ltd.** которые включают органические gas и масла, агентства самое лучшее trainspotting как большой ладонь plantage, infact на моей оценке смерти его имущества был **\$8.5 MILLION** к жидкостным наличным деньгам которые от **\$3.6 million** в **BANK**

Американского Содружества и Взаимодействия .

– Наше благословил в Господе!

– И Вашему Dearest во Христе! Mum кровать охваченном был поставлен диагноз рака пищевода. После ее смерти отец вступать в повторный брак злобной ма4ехой. Делая добычи для вывоза золота из горнодобывающей промышленности помочь нелегально tranfer сырцовые наличные деньги, бацька звязаўся з нэдобрасовястным папячыцелем, паўстаў перад судом, чакаць суда не стаў и **распустил носки**.

– Ничего никогда не слышала, мой дорогим!

– Дело громкое было! Я по окончании смерти отца получать письмо: “**Внимание!! ЭТО КОМПЕНСАЦИЯ!! Почитайте Beneficiary!!** Официальное сообщить Вам, что после обширной зак/крышка встречи Совета, достигающие нас от прокурора Mrs. Angelo Дэвис из Верховного суда почтенный главный судья **Международного Суда Справедливости** Mr. Piglers объявить г-на Кристофера Робинсона невинных и передать в ваша **КОМПЕНСАЦИЯ!** в стоимость \$ **1.5 million** (один и половина миллиона долларов) в качестве представителя ваши дети получать консигнации в ящике для ручек или любого органа удобства извлечения, которое вы были заимствованным”. Это те самые хлебцы!

– Да вы что говорить! – сказать в стоне Mrs. Higgs. – А я давно хотеть пожертвовать свой фонд **Higgs-Foundation Industry Limited** на уставным сумму **18,5 миллионов долларов USA** надежный человек, который будет эти деньги по-

могать беднота и приюты, также менее привилегированным для благотворительной работы и пропаганды Славы Богов, но у меня отсутствует который наследует этот фонд или преданных отношений, чье поведение оставило желать лучшего.

– Люди – это громадным пис shit! – я стремительно соглашаться. – Как доверять?

– Меня беспокоит мой скорый sickness, я давно на края смерти и не хочу, чтобы эти добычи использовались нечестивым образом после моего уходить. Небо известно мое состояние я решила передать на Вас эти деньги, чтобы заботиться о менее привилегированных людей. И я гарантирую Вам, что этот фонд **не является государственный фонд наркотиков или сделок с оружием**. Я в ожидании вашего response...

– Я могу быть таким человек, миссис Кэти Бузон Хигг! – сказал я без вибраций.

– Мой частный **BARRISTER JI.MI.DZYBA** Частный Email: ja-mi-dzyba.hamilton@gmail.com АУДИТОРСКАЯ / УЧЕТ ДИРЕКТОР, МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНК **FRANCE** будет подать заявление о передаче эти деньги в Вашем обозначенном имени и информации, после моих заявлений и инструкций. Пожалуйста, если Вы не захотите лечить наш проект любезно заткните на дополнительную информацию.

– На каких условиях?

– **30 %** от общей суммы денег для Вашего личного пользования за вашу компенсацию за выполнение этой работы,

хотя **70 %** money пойдут на благотворительные цели, люди на улице и дом Божий поддерживается. Для меня будет самой большой радостью завершить этот проект с Вами как я не сама.

– Хороший день и удача, Mrs. Higgs!

Почему это письмо попало в папку “СПАМ”?

Да потому что фантазия деда Гаффера не была любознательной!! иран id.5024 СБЕР ОДОБРИЛ иракской формы лайт ілі можа мне на калені еще ўстаць шоб ты дочытаў?

– **Ouagadougou** и **Африканский Банк Развития** Mr. Robinson, мы также рекомендуем Вам оплатить penalty на себя в размере **0,5 % EUR** общей добычи через Money Gram Transfer на имя кассира и булочки р: (**TIMATI TORTILLA**), и нам квитанцию об оплате.

ИНФОРМАЦИЯ:

Имя: **TIMATI**

Фамилия: **ЧЕРЕПАХА**

Страна: **БУРКИНА-ФАСО**

Город: **УАГАДУГУ**

Сумма: **0,5 % EUR COMMUNITY SERVICE**

(Свернуть)

Я ускоренными шагами покидать дверцы **Африканский Банк Развития** меня догоняли на словах:

– Робинсон, это чудо просто, как Вы это делаете?! Ты захватил мое сердце для серьезных отношений бизнеса!

– Что происходит, мой деарест? – Я оглядываться: – На-

деюсь у тебя все хорошо и здоровье?

– A-ha-ha! – он проливать мелкий смех. – Не могу быть спокойным Вашей joke! You're a barrister, I'm a barrister, suck off a tractor/driver!

Это катился голова/менеджер **Mr. Benoit Kabore#** Африканского Банка Содействия и Развития, которым я **15** (пятнадцать) min. обратно доказывал, что я настоящим бенефициаром денег в банке на имя Mr.Робинсон людей от умершим клиента **Фред Cruso Робинсон** на свою долю **35 %** сделки с Почетный приват-бариста **Mr. Аарон Коупленд** выполнить все инструкции по трансмиссии от оффшорного банковского счета ест.

– Робинсон! – Mr. Benoit Kabore# компенсаторный корпус и кнопка выражение глаз. – В этом мире много радости и проблем. Я уйти в отставку с действительной службы BANK, чтобы начать новый daseine. Наши черные вершки преуспели в жадном акте помыть золото и нефтяные деньги более \$ **350 млн** долларов в процессе. Я использовал возможность переаффелировать часть средств на убитые счета. Нет никаких offichialy отпечаток, сколько было передано учетные записи, используемые для таких переводы были закрыты после передачи.

– Dear Kabore#, Вы сейчас скептически открываете секрет мелкому знакомству.

– У меня нет большой выбирать. Я не хочу уйти из бутылка без перевода средств в иностранной счета! Почему бы

не позволить поделиться выручкой! Я только просим, чтобы Вы мне сосали счет в оффшорный банке, где средства могут быть переданы! Если Вы способны получать денежные средства, дайте мне знать немедленно! Пожалуйста, свяжитесь со мной на моей приватной anamcabore@gmail.com или звонить по **tel. (+229) 4956993969**.

– Kabore#, я любезно игнорировать и удалить наше знакомство.

Он долгое кряхтение:

– Но деньги будут разделены **60 %** для меня и **40 %** для Вас!

– Kabore#, Бенефициар не выдержит троих! Мне еще надо обыскать **ALIENA NAOMI KAABA EVA**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.